

НИНЕЛЬ НУАР
БАСТАРД
ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Нинель Нуар

Бастард ее величества

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67955522

SelfPub; 2022

Аннотация

Отгремели магические войны, оставив мир на грани исчезновения. Королеве Лисвер пока что удаётся сдерживать буйство стихий при помощи династического артефакта, но ее силы не бесконечны. Дальние родственники готовятся сражаться за престол, ведь прямых наследников у ее величества нет... или все же есть? И каким боком здесь я, попаданка без роду-племени, которая наивно полагает, что удобно устроилась? В тексте: #магический постапокалипсис #герой с непопулярной в народе профессией #героиня, которая думала, что хорошо устроилась в новой жизни #стимпанк, викторианский стиль, зарождение маг-техники #приключения, опасности, интриги и тайны

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	35
Глава 4	47
Глава 5	60
Глава 6	72
Глава 7	84
Глава 8	95
Глава 9	107
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Нинель Нуар

Бастард ее величества

Пролог

Ночь была на удивление тиха. Ни грозы, ни тревожных сигналов, ни даже малейшего колебания почвы. Идиллия.

Тем не менее мне не спалось.

Что-то неосознанное, интуитивное, копошилось на грани сознания, мешая провалиться в обычный для меня глубокий безмятежный сон. Поворочавшись без толку до восхода второй луны, я сдалась, накинула толстый стеганный халат и спустилась на кухню. Экономка и кухарка видели, скорее всего, уже пятый сон, но уж кастрюльку с молоком я поставить на плиту и сама в состоянии.

Ночью температура заметно падала, особенно летом, так что я мерзляво куталась в халат, переступала с ноги на ногу в пушистых меховых тапочках и нетерпеливо ждала, когда же напиток прогреется достаточно, чтобы можно было туда налить пару ложек мёда и утащить в тёплую, уютную спальню. Книга легенд северных народов ждала меня уже неделю, но все руки не доходили. Может, как раз время ею заняться?..

Гулкий звон колокола пронёсся через весь дом, отозвавшись в ушах.

Недоумевая, кого могло принести в такой час, я пошаркала открывать. Тапочки были мне великоваты, в расчете на носок, так что норовили упасть при каждом неосторожном шаге.

Грабителей или мошенников я не боялась. Не в нашем районе. Полицейское управление за углом, да и весь квартал – сплошь частные дома мелких мастеров и торговцев. Тут незаметно не заберёшься.

И уж тем более подобные личности не станут звонить в дверь.

Не знаю, кто удивился больше: я, застав на пороге дома целый отряд вооруженных до зубов мастеров тайн во главе со старшим, или они, обнаружив меня в неглиже.

Я все еще испытывала некоторые трудности с местным этикетом. По мне, стёганный халат по щиколотку – вполне пристойная одежда. Судя по мужским взглядам, которые скрестились на видневшихся у горловины кружевах ночной рубашки, не очень-то.

– Что вам угодно, мастера? – ухватив полы халата в кулак поплотнее, холодно поинтересовалась я.

Старший выступил вперед, откашлялся, напомнив подчиненным о приличиях. Те неохотно отвели глаза.

– Мастер теней у вас? – отрывисто спросил он, шагнув на ступеньку выше и подавляя меня ростом и массой.

Что вообще происходит? И почему с ними целитель? Я не сразу его заметила за широкими плечами мастеров тайн,

поскольку серое форменное пальто растворялось в изменчивых сумерках.

Рассчитывают, что я в обморок падаТЬ буду?

Или... с моим покровителем что-то случилось?

– Мастер теней? – переспросила я, чувствуя, как по спине ползёт противный холодок, ничего общего с промозглым туманом на улице не имевший. – Почему он должен быть у меня?

Взрослые разумные мужчины дружно потупились и зааляли ушами, намекая на мой статус.

– А-а-а... – протянула я, старательно возрождая воспоминания о крепких руках и табачном аромате с кофейными нотками. Мое темнейшество.

Судя по еще ярче зарозовевшим скулам молодого целителя-менталиста, картинку он уловил.

Кроме картинок, специалисты такого плана могли отслеживать на расстоянии малейшие изменения состояния пациента, то есть пульс, повышение давления, выплеск гормонов – в общем, заменяли собой полноценный детектор лжи.

Только вот даже нашу технику можно обмануть...

– Я его сегодня не видела, – покачала я головой. – Мы не разговаривали со вчерашнего вечера.

Абсолютная правда. Сердце бьется ровно и четко, однако при следующем вопросе выделяет кульбит:

– А вы можете догадываться, где он сейчас находится? Все же вы ближе к нему, чем кто-либо.

Несколько театральнo прижав руки к груди, я постаралась продемонстрировать испытываемое смятение. Лучше так, чем вязкий ужас, плескавшийся где-то в горле.

– Признаться, я далеко не самый близкий ему человек, – всхлипы и придыхания терзали мой собственный слух, что уж там говорить о группе суровых дознавателей. Не привыкли они, бедняги, допрашивать женщин.

Тут почему-то считается, что дамы не способны на преступления. Отдельные случаи, – вроде отравления супруга – если и вскрываются, то дают тему для пересудов на пару месяцев, не меньше.

Как это вяжется с тем, что у государственного руля стоит королева, я не сильно представляю. Но ее величеству Лисвер наверняка приходилось и приказы о казнях отдавать, и травить неугодных. Королевский двор – тот еще гадючник, и хорошо, что всяким мелким содержанкам вроде меня туда хода нет.

– Его семья, его невеста! – в последнем слове я сорвалась на истеричный взвизг. На месте дознавателей я бы себя удавила, чтобы не мучиться, но нельзя, пока против меня нет улик. – Они куда ближе ему, чем я!

Все же не полный беспредел тут творится. Отчетность и судебное производство уже существует, и за любого казнённого не по закону человека могут спросить. А я существо безобидное в миллионной степени, к тому же за прошедшие годы обросшее влиятельными знакомствами.

Хвала моей предусмотрительности. Как чувствовала, что одним следователем ограничиваться нельзя. Нет, сплю я, как порядочная соержанка, только со своим мастером теней. Но никто не запрещал мне общаться с его приятелями – министрами и частными предпринимателями.

И ведь наивно полагала, что в свое время хорошо устроилась...

Глава 1

Три года назад.

Блаженны те, что видят показы мод исключительно на подиумах! Еще более блаженны те, кто не заглядывает дальше Инстаграма.

Увы, нам, трудящимся на ниве красоты, приходится влезать в это, с позволения сказать, высокое искусство по самые локти. А еще вставать ни свет ни заря, хотя начало показа только в одиннадцать, однако к семи утра модель должна уже быть причесана как минимум, а желательно еще и накрашена, чтобы брезгливо кривящий губы творец коллекции мог помахать пальчиками в воздухе и потребовать переделать «все». А это, на минуточку, пятнадцать человек.

На этот раз в аду я варилась не одна. Кристина и Дарья, с которыми я познакомилась полгода назад на выпускных экзаменах Текстильного, где мы втроём подрабатывали, были девочками терпеливыми, тихими и, я бы даже сказала, заботливыми.

К сожалению, в нашем деле конкуренты подпирают со всех сторон, и если о тебе пойдет дурная слава склочной неумехи – пиши пропало.

Кроме нас, трех визажистов, на расчищенном от снега пятчке у Манежа тем ранним утром приплясывала целая толпа: осветители, модели, сами дизайнеры... Зрителям повез-

ло – они могут еще несколько часов понежиться в тёплых постельках и подъехать к началу программы. А нам всем, кроме дизайнеров, еще пахать и пахать до самого вечера, пока все четыре показа не отходят.

– Какие люди! – приторно-сладким голоском пропели за моей спиной. Я, скрипнув зубами, медленно развернулась. Вот ведь внимательность и память у человека. Спецслужбы позавидуют! Со спины, в шубе и шапке меховой – и то узнала! Хотя, когда хочется сделать ближнему гадость, никакая маскировка не помеха.

– Привет, Глаша! – радостно оскалилась я, с чувством работая на опережение. Заклятая подружка скривилась: сокращения своего звучного имени она не любила. Считала, те катастрофически уменьшают ее гламурность. – Как дела?

В отличие от меня, по уши замотанной в шерстяной шарф и тёплую, хоть и чебурашечью, шубку, Глафира щеголяла в тоненьком пальто в модную шотландскую клетку. И что, что холодно? Зато стильно!

– Прекрасно! Моя коллекция, кстати, идет первой! – гордо заявила бывшая однокурсница, старательно сдерживаясь, чтобы не клацать зубами. – А твоя?

И ведь прекрасно знает, змеюка, что я по специальности не работаю, но все равно не упускает случая уколоть. Другое дело, меня такой мелочью не пронять. Я свою профессию нынешнюю цену, уважаю и не считаю чем-то смешным и ненужным.

– А мои все четыре, – ласково улыбнулась ей я и поспешила вслед за остальными в тёплые недра Манежа. Их как раз очень вовремя открыли, запуская первых трудолюбивых ласточек.

Дальше начался привычный, милый моему сердцу бедлам. Сначала Глафира с идущей следом Кариной поругались, чью схему макияжа и причёсок будут использовать модели, будто не было это обговорено на репетициях сто десять раз. Вмешался постановщик, разнял девиц, не обращая внимания на разочарованные вздохи собравшейся толпы, ошетилившейся смартфонами.

Драки всегда собирают много лайков, особенно если дерутся девушки.

Дальше одна из моделей пришла подстриженная практически под ноль, хотя только позавчера щеголяла гривой до лопаток. Ей – смена имиджа, а нам весь проход насмарку. Пришлось срочно ваять шиньон из подручных средств, благо мой чемоданчик полон материалов на все случаи жизни.

Ну и без порванного платья, конечно же, не обошлось. Тут уже крутилась не я, зато смазанный слезами и соплями макияж править пришлось именно мне.

Наконец, полный творчества и стресса день подошёл к концу. Я собирала в дальнем углу свой распотрошенный чемоданчик, выискивая среди завалов кистей и палитр свои, благо они у меня все маркированные. Случалось не досчитываться, и не раз, так что у меня теперь везде гравировки

стоят. Даже если упрут, пользоваться все равно не смогут.

Пол под ногами дрогнул и завибрировал.

Метро?.. Странно, за весь день подобного не случилось. Я подняла голову и оглядела безмятежно переговаривавшихся моделей, с облегчением стиравших краску с лиц. Неужели никто, кроме меня, не заметил дрожи?

Помещение снова тряхнуло, в этот раз сильнее, так что собранные мною ровными рядами блески для губ накренились и посыпались внутрь чемоданчика.

– Девочки, мне кажется, или нас трясёт? – повысив голос, поинтересовалась я, но никто не обратил на вопрос ни малейшего внимания, продолжая заниматься своими делами. Я почувствовала себя героем «Шестого чувства». Если бы только час назад не красила вон той, темненькой, брови, смазавшиеся от частого переодевания, решила бы, что стала привидением, сама того не заметив.

– Эй, меня кто-нибудь слышит? – я даже руками замахала, стараясь привлечь к себе хоть чей-то взгляд, но безуспешно. Плюнув на остававшиеся на столе вещи, я захлопнула кофр и двинулась к выходу. Что бы ни происходило в примерке, пусть происходит без меня.

Впрочем, у землетрясения на мой счет было свое мнение. Стоило мне сделать шаг – и пол завибрировал по-настоящему, наглядно продемонстрировав, что до этого всего лишь разминался. Я упала на колени и, подвывая от страха, заползла под ближайший столик. Хоть и символического размера,

он был металлическим – под ним у меня были шансы уцелеть и не получить по голове куском штукатурки. С потолка падала уже не краска, а дерево и почему-то камни.

Зажмурившись и обняв зачем-то кофр, который так и не выпустила во время метаний, я с замиранием сердца ждала того самого, финального удара, который проломит хлипкое убежище и прикончит меня.

Вместо этого внезапно все затихло. Над руинами, все еще клубящимися пылью, раздался задумчивый мужской голос:

– Ну что же, коллеги, могу констатировать, что эксперимент не удался.

Какой еще эксперимент?!

И кто особо одаренный дал право устраивать взрывы, или что там они тестировали, под Манежем? Можно подумать, здание недостаточно натерпелось.

– Увы, даже скреплённые между собой, материалы продолжают взаимодействовать с подпространством по-разному, – где-то снаружи, за пределами видимости, заскрипели камешки под тяжелыми шагами. – Так что очередная отличная задумка летит в магму, уважаемые мастера.

– Ну что ж, приберите здесь и поехали, – распорядился третий голос. Я поспешно завозилась, пытаюсь выбраться из-под стола, но не тут-то было: завалило меня качественно.

Хорошо хоть не придавило. Приоткрыв один глаз, я сразу зажмурилась обратно – труха сверху все еще сыпалась. Но разглядеть удачно для меня лёгшую на стол наискосок бе-

тонную плиту я успела.

– Люди! Не надо прибираться! – подала я голос, стараясь не орать слишком громко, дабы не потревожить свое удачное убежище, но внезапно раздавшийся скрежет заглушил все.

Так и знала. Сейчас разровняют конструкцию и меня вместе с ней.

Так же неожиданно, как начался, пронзительный звук затих.

– Подождите. Там кто-то живой!

Спасибо тебе, добрый человек!

Я принялась орать чуть громче, чтобы уже наверняка. Плита перед носом подрагивала, но вроде держалась.

– Да! Я здесь! Живая! Вытащите меня-а-а! – в рот и нос набилась висевшая в воздухе пыль, я закашлялась и расчихалась, но главное все же свершилось: меня услышали. Все куски и плиты, окружавшие меня, каким-то образом одновременно поднялись в воздух, вздымая новые потоки песка и примесей. Ругая себя за тугодумство, я натянула на лицо ворот водолазки. Тоненькая, но хоть какая-то защита. Кашлять я не перестала, так что пропустила момент, когда вокруг воцарилась чистота и порядок, а передо мной полукругом расположилось несколько пар ног.

– Странное какое-то создание... Лица нет, – недоумевающе протянул тот, что приказывал почистить территорию.

Утерев слезящиеся глаза той же водолазкой и приспустив ее, я подняла глаза, оценив отлично выделанную кожу высо-

ких сапог, тонкую отделку брюк и плотные, увешанные множеством металлических деталей куртки. С каких пор у нас байкеров допускают к экспериментам? Их же в халатах проводят?.. Ну, или в костюмах, на худой конец...

Запрокинув голову, я взгляделась в лица, и тут мне окончательно поплохело: вместо лиц у всех троих поблескивал металл и стекло. И не в очках или там моноклях, а полноценно, закрывая все от шеи по самую шляпу наподобие щитка от мотоциклетного шлема.

Минутку, какие шляпы?!

Где я вообще?

За плотно обступившей меня троицей виднелся пустынный пейзаж странной расцветки. Алые, синие и оранжевые полосы сплетались в причудливые узоры, как на полотнах абстракционистов, совершенно не походя на привычные мне зеленые поля. Столь же привычных высоток тоже видно не было – вообще никакого жилья на многие километры, до самого изрезанного грядой скал горизонта.

На всякий случай я еще раз потёрла лицо. Мало ли у меня от песчинок в глазах галлюцинации начались?

Какие поля, Адуль, снег вообще-то лежать должен по колено. Если мы только не в южном полушарии...

– Нет, обычная вроде. Просто одежда странная, – прокомментировал мои телодвижения один из наблюдателей эксперимента. Он, кроме байкерского наряда, мог похвастать весьма ухоженной бородкой клинышком, видневшейся

ся из-под стеклянного забрала. У остальных из-под шляп тоже виднелись волосы разной степени всклокоченности, а за стеклянными щитками угадывались очертания лиц. Так что мой первоначальный испуг – неужели я угодила к инопланетянам?! – понемногу улёгся.

Правда, сильно веселее не стало.

Ну не похожа окружающая среда на ближайшее Подмосковье! Значит, куда-то меня взрывом занесло, причём довольно далеко от дома...

– Вы кто? И где я? – неуверенно пискнула, не решаясь подняться на ноги. Так-то я маленькая и безобидная, а вот развернусь во все свои сто восемьдесят с лишним – мало не покажется.

Одно время, в голодные студенческие годы, когда у отца не ладилось на работе, я моделью подрабатывала. Поступали предложения и более интимного характера, но до такой степени я все же не нуждалась.

А худоба моя – не результат диет и голоданий, а наследственность и общая шилопопость. Как мне завидовали немногочисленные подружки, словами не передать. Только вот мне, наоборот, хотелось хоть что-нибудь себе наесть. Перед или зад. На оба уж не замахиваюсь. Но увы, что называется, не в коня корм.

Мужчины шагнули поближе, один из них, который с бородкой, склонился вплотную, пристально рассматривая меня и даже голову поворачивая, как голубь: то одной сторо-

ной, то другой. Наверное, этот его стеклянный щиток затруднял обзор.

– У меня есть более интересный вопрос, – пробормотал он. – Кто вы такая и что забыли на месте проведения секретного эксперимента?

Я невольно попыталась забиться глубже под спасительный столик, забыв, что его убрали вместе со всем остальным завалом, и опрокинулась на спину. Кофр выпал из рук, ударился о каменистую землю, что-то внутри него хрустнуло – и он раскрылся. Драгоценные кисти и палитры, собираемые мною поштучно, из лимитированных коллекций, вывалились в пыль – закрепить-то я их не успела.

Бородач выпрямился и пнул ко мне отлетевшую дальше всех кисточку для бровей.

– Краски, кисти... Я-то думал, прибор какой. Похоже, заплутавшая художница, – поделился он наблюдением с коллегами. Те пожали плечами, предоставляя ему право решать. Я быстро, не глядя, запихивала содержимое обратно в кофр. И правильно делала.

– Поедешь с нами. Пусть мастер теней на тебя глянет, – выдал после недолгого размышления бородач, подцепил меня под локоть и потянул вверх. Пришлось подниматься на ноги.

Все трое оказались мне где-то до уровня бровей. Неплохо, но они явно не ожидали лицезреть подобную мне каланчу, даже отступили на шаг. Я вцепилась обеими руками в чемо-

данчик, ссутулилась и потупилась. Выражение лица было отточено на режиссёрах и продюсерах, когда нужно было вызвать жалость и добиться принятия на работу.

Прокатило и в этот раз. Троица расслабилась, но спиной ко мне повернуться не решилась, напротив, вытолкнули вперед себя. Я же споткнулась и чуть не упала, когда увидела, на чем нам предстоит ехать.

Транспорт представлял собой гибрид металлической лебедки и поезда, с которого зачем-то содрали всю обшивку, оставив только внутренности. Подойдя поближе, я поняла, что обшивка все же есть, но сделана она из того же стекла, что и щитки на лицах моих сопровождающих. Задняя, плоская грузовая часть странной машины пустовала. Очевидно, там раньше стояла та конструкция, на которой ставили неудачный эксперимент.

Меня без особых церемоний впихнули в кабину, указали на свободное кресло и посоветовали пристегнуться. Правилам безопасности я следовала неукоснительно всегда, так что внимательно пронаблюдала, как крепят ремни остальные, и старательно за ними повторила.

Больше всего система напомнила некоторые особо опасные аттракционы – из тех, где тебя переворачивает вниз головой и мотает в мертвых петлях. Кроме ремней, нужно было еще опустить себе на плечи обтянутый кожей металлический каркас, который намертво встал в паз между моими ногами, фиксируя надежнее некуда.

Как показала дорога, предосторожности лишними не были. Нас трясло так, что я пожалела, что не попросилась пойти пешком.

Но кто бы меня отпустил?

Судя по репликам, которыми перебрасывались время от времени испытатели, мое появление для них – неприятный сюрприз. То есть вытаскивать меня к себе они не планировали. Мало того, подозревали в шпионаже, а потому везли меня к какому-то мастеру теней, который «мигом расколлет эту фифу».

Многочисленные взгляды, призванные вселить в меня страх и ужас перед грядущим допросом, я проигнорировала. Мне было несколько не до того. Я не отрываясь смотрела в окно и с возрастающей ясностью понимала – я не в южном полушарии. Более того, я вообще больше не на Земле.

Потому что у нас Луна никогда не была настолько большой. Даже в тропиках. И уж точно днем не соперничала по яркости с солнцем. Здесь же огромный диск спутника вел себя просто неприлично: висел над горизонтом, подавляя массой и навевая невеселые мысли о собственной судьбе. Грядущей и свершившейся.

Мертва я, или это бред коматозного состояния?

Даже щипать себя за руку не понадобилось – прикушенный несколько раз в тряске язык быстро доказал, что настоящее очень даже материально.

Ехали мы довольно долго, я успела миновать почти все

положенные стадии принятия и дойти до депрессии, когда на горизонте показался город. Он надвигался на непривычно выпуклое лобовое стекло медленно и неотвратно, и я все же смирилась с происходящим, осознав, что вот оно – мое новое место жительства.

Если повезет, и мастер теней, кем бы он там ни был, оставит меня в живых, а не примет за какую-нибудь шпионку и не казнит на месте.

В то, что меня отправят обратно, верилось не слишком. Хотелось бы, конечно, но здравый смысл нашептывал, что случайные эксперименты очень часто нельзя повторить досконально. И вряд ли их станут стараться проводить только ради того, чтобы одна непонятная девица попала домой.

А значит, мне предстоит постараться и стать какой-нибудь важной персоной, чтобы со мной считались. С чего там начинают обычно уважающие себя попаданки? С трусов и водопровода?

Я меланхолично оглядывала проплывающие мимо дома. Трясло чуть поменьше – мы наконец-то сменили бездорожье на сравнительную цивилизацию. Дым из труб курился, на улице относительно чисто, содержимое канализации по улицам не плавает. Шансы на то, что туалет и душ изобрели раньше двигателей, весьма высок.

Да и я, признаться, весьма смутно себе представляю строение водопроводной трубы. Кроме того, что она должна быть полой, само собой.

И как мне устраиваться прикажете?

Погрузившись в мрачные думы, я не заметила, как транспорт остановился. Очнулась только от грубого окрика бородатого:

– Вылезай, приبلуда!

Глава 2

Воздержавшись от споров, я не без усилий разблокировала крепления – оказалось, нужно тянуть за рычаг под сиденьем, а вовсе не искать застежку, – и, вытащив из-под кресла кофр, покорно двинулась на выход. Открывать и проверять, не побились ли мои сокровища, было не время и не место, пусть и очень хотелось.

Руки на ступеньках мне никто не подал, хотя были они высокие, неудобные и скользкие от нанесённого в дороге песка, и я чуть не пересчитала все пятой точкой. К тому же, их было куда больше, чем даже в привычном автобусе, и расположены они были скорее как в бассейне – вертикально. В следующий раз куда сподручнее будет спускаться лицом к машине, как по пожарной лестнице.

Умудрившись не упасть и сохранить остатки самоуважения, я последовала за троицей на широкое крыльцо. Двустворчатые двери были гостеприимно распахнуты, а рядом на свежем воздухе переговаривались пара мужчин, увешанные авангардного вида оружием. Особенно привлек мое внимание водный пистолет. В детстве я с таким обожала играть, вымачивая ругающегося папу и верещащую маму. Впрочем, в жару мне это запросто сходило с рук. Только у человека на крыльце пистолет был целиком металлический, снабжённый кучей деталей и шестеренок, а еще резервуар, в котором у

нас хранилась бы вода, светился и переливался золотом.

Интересные спецэффекты.

Свежий воздух на улице оказался на поверку не таким уж и свежим. Надышавшись пыли, я поначалу и не заметила, – или на пустыре за городом так не воняло – как в ноздри лезет пронзительный сероводород. Я даже оглянулась в поисках утечек канализации, которые не заметила в поездке, но вокруг было чисто, как в хорошем европейском городе. Значит, все же где-то рядом источник или фабрика.

По дороге я успела немного ознакомиться с местной модой. Дам прогуливалось немного, в основном мужчины, упакованные в темную кожу сапог и курток и плотную немаркую ткань – на остальном теле. Выпуклые стекла скрывали лица многих, причём чем больше металлических деталей и отделки было на одежде, тем ровнее и зеркальнее выглядело стекло забрала. И наоборот: чем беднее выглядела одежда, тем чаще ее обладатели обходились вообще без защиты.

Мои спутники в машине иногда приподнимали стеклянную часть, и, хоть мне не было видно их лиц, принцип работы щитков я уловила. Только не поняла, почему те не запотевают от дыхания.

Дамы же настолько плотно заматывали лицо вуалями, крепившимися к шляпкам, что определить, есть на них дополнительная защита или нет, не представлялось возможным. Кроме того, под плотно облегающими корсажами явно угадывался корсет, а длинные юбки мели пыль на улицах...

Думается мне, потому тут так чисто.

Викторианская эпоха особой тяжести во всей красе.

Стоило нам оказаться в помещении, как мужчины дружно щелкнули забралами и сдвинули их на лоб, как многие мои знакомые поступают с не нужными в данный момент очками. Гибкое крепление позволяло перемещать стекло чуть ли не на затылок.

– А зачем это? – не удержалась я от вопроса, глядя с любопытством на извилистый металлический обод, плотно облежавший их лица. Причудливо изогнутая линия стекла в точности повторяла узор, обеспечивая полноценное прилегание и изоляцию. Все же интересно, как в этом дышать? По идее, как в целлофановом пакете – весело и недолго. Но я уже заметила, что обычная логика в этом мире не работала.

Мужчины дружно покосились на меня как на дурочку.

– Уже три дня пепельная буря. Сейчас затишье, нам повезло, что успели вернуться до очередного порыва, – снизошёл до ответа бородатый. Он, кажется, был предводителем маленькой группы и одновременно – самым общительным из этой троицы. Остальные воротили нос, всячески демонстрируя свое превосходство.

Я кивнула, благодаря за информацию. Доказывать и выяснять, кто из нас лучше и умнее, смысла нет. Местные по определению выигрывают – опыта больше. Так что молчим, изучаем, присматриваемся.

Округлый зал в золотисто-медных тонах был полон на-

роду. Кого-то били, кто-то тихо сидел в углу, позвякивая здоровенными кандалами. Хранители правопорядка отличались от задержанных разве что наличием оружия да качеством одежды. Отличительных знаков или какой-либо униформы я не заметила.

Мы подошли к стойке, за которой что-то увлечённо писал здоровенный бугай с фактурной бородой. Козлиный клинышек моего сопровождающего померк в сравнении с этой роскошью. Растительностью владелец явно гордился, потому что расчесана она была волосок к волоску, местами заплетена и даже украшена низками вроде колечек Пандоры. Один глаз прикрыт моноклем в массивной оправе с выпуклым стеклом, отчего казался больше, чем второй.

Моим спутникам пришлось прокашляться, а потом и попростецки перегнуться через стойку и потыкать массивного администратора пальцем.

– А? Чего вам? – очнулся тот от творческого порыва. – Вернулись уже? И как?

– Никак, – поморщился обладатель бородки с нашей стороны. – Развалилось все. Я же говорил, что металл и камень в подпространстве разделятся, а эти «скрепим, сольём...». Тьфу! Мастер Ладинье у себя?

– Да, но его лучше не трогать. Отчетность... – закатил глаза администратор. Я, не сдержавшись, хихикнула. Бюрократия, как тараканы, выживет в любом из миров.

Однако, странно, что свой эксперимент троица называла

секретным. Знают о нем, кажется, все подряд. Или меня привели в исследовательский институт?

Я еще раз огляделась по сторонам. Непохоже. Скорее напоминает полицейский участок. Это как раз логично: куда еще вести неизвестно откуда взявшуюся потенциальную шпионку. А насчёт секретности – так может цену себе набивали, хорохорились. Откуда мне знать, что они вообще ученые, а не спецназ какой? С виду не задохлики, мускулистые все, совершенно на книжных червей не похожи. Отложим очередной факт в мысленную копилку на предмет подумать позже.

Если оно у меня будет, это самое позже.

Кабинет мастера Ладинье располагался на втором этаже здания, в самом дальнем конце коридора. Кроме нас, наверх никто не поднимался, так что гул голосов и бряцание металла постепенно стихли, и тихо шагающую группу обволокла гнетущая тишина. Мерещилось, что она сгущается, давит, и по мере приближения к цели я неосознанно замедлила шаги.

Как оказалось, не на одну меня, нервную попаданку, обстановка производила гнетущее впечатление. Бравые провожатые тоже опасливо озирались по сторонам и к неведомому мастеру не рвались. Кажется, они с большим удовольствием отправили бы меня дальше в одиночестве, но ответственность все же перевесила.

Даже дверь в кабинет пыталась противостоять вторжению в меру своих сил, душераздирающе скрипя и с трудом под-

даваясь усилиям не таких уж и тощих ученых.

– Мастер Ладинье, вы здесь? – с некоторым подобострастием осведомился козлобородый, с опаской просовывая голову в образовавшуюся щель.

Я стискивала ручки кофра так, что пальцы побелели. Разбушевавшееся воображение подсовывало разнообразные варианты обитателя кабинета, начиная почему-то с одноглазого пирата с кривыми зубами и нечесаными лохмами. Наверное, имидж администратора повлиял.

– Что там еще, Фирре? Разрешение я вам выдал, взрывайте все что хотите! – недовольно рявкнули по ту сторону толстой дубовой двери, и я невольно шагнула назад.

– Зачем беспокоить занятого человека? Может, в другой раз? – тихо поинтересовалась я у резво отпрыгнувших вместе со мной ученых. Те отрицательно замотали головами.

– Сначала личность твою установим, а потом как мастер теней скажет, – буркнул один из них, вероломно подталкивая меня в спину. Козлобородый посторонился – и меня, помимо воли, внесло в кабинет инерцией.

Там было темно. Только стол и сидящий за ним человек озарялись скудным светом одинокой лампы. Тяжёлые шторы были задернуты наглухо, не пропуская ни лучика света в небольшое, почти пустое помещение. В полумраке угадывались полки с книгами или папками вдоль стен и несколько стульев для посетителей. На один из них я наткнулась и чуть не упала.

– Нашли вот под завалами. Одета странно, откуда взялась, не знаем, – скороговоркой протараторил бородач и сделал попытку закрыть дверь с другой стороны.

– Куда? – рыкнул мастер теней, поднимая голову от бумаг, но по-прежнему не глядя на меня. – А отчёт о проведённом эксперименте?

По ту сторону спасительного дуба тяжело вздохнули.

– Мастер Ладинье, мы же только что оттуда. Как только напишем, так сразу и принесём. Если в двух словах – ничего не вышло.

– А я что говорил... – пробурчал хозяин кабинета со странной смесью недовольства и удовлетворения. Вроде как досадно, что не получилось, зато подтвердил свой статус всеведущего ока. – Садись, сейчас допишу и поговорим.

Я не сразу поняла, что теперь обращались ко мне. За дверью радостно затоптали, удаляясь. На всякий случай выбрав стул поближе к выходу, присела на самый краешек, не выпуская из рук кофр. Не думаю, что убегу далеко в случае чего, но это не мешает мне попытаться. В случае чего именно я собиралась бежать, сама не знаю, но не просто так же суровые экспериментаторы боятся этого мастера теней?

Процесс письма затягивался. Я успела задремать несколько раз, роняя голову на грудь и оттого снова просыпаясь: все-таки по моему внутреннему времени уже давно перевалило за полночь. Часы, которые я проверила, пока сидела без дела, мерно тикали, но веры им не было, потому что, по их

мнению, дело было не к двенадцати, а к шести утра. Телефон же, который я всегда таскала в заднем кармане джинсов, куда-то подевался во всей этой кутерьме. Собственно, даже в машине я его уже под собой не чувствовала. Значит, либо он остался под завалами и был утилизирован вместе со всем остальным, либо вообще не переносился вместе со мной.

О факте переноса в другой мир я старалась не задумываться, потому что меня начинало колотить в предчувствии душевной такой истерики. А сейчас для нее, как и для многого другого, не время и не место.

Наконец мужчина за столом соизволил дописать последнюю строчку, витиевато расписался, поставил, подышав, самую настоящую печать внизу листа и поднял взгляд на меня.

Я невольно еще плотнее вжалась в спинку стула, жалея, что тот стоит у стены и отодвигаться больше некуда.

Трепещущий на неощутимом ветру язычок огня в лампе отбрасывал причудливые тени на скульптурно вылепленное лицо. Тонкий шрам над бровью не портил, а скорее оттенял идеальность черт, придавая классическому облику заливчато-пиратский налёт. Никаких забрал и металлических деталей, даже без косичек и моноклей мастер обошёлся. Классического покроя двубортный пиджак; рубашка с неожиданным обилием рюшей и воланов у горловины смотрелась на удивление уместно, навевая ассоциацию с вампиром из старого фильма.

Я поежилась. И так у меня мурашки по коже от темноты и

тишины вокруг, еще и подсознание не помогает, подкидывая воспоминания о просмотренных ужастиках.

Поразглядываяв меня с минуту, мастер теней полез в ящик стола, извлёк оттуда монокорнет – толстую линзу в вычурной металлической оправе на длинной ручке, и изучил меня сквозь нее. После чего вытащил из стопки чистый лист бумаги и застрочил с новой силой.

Разочарование нахлынуло вместе с облегчением. Пытаться не стали – уже хорошо. Но меня выпускать отсюда не собираются, что ли? Так и буду сидеть?

– Имя? – перо на мгновение зависло над столом, и темные провалы глаз, цвет которых в неверном свете лампы я различить не смогла, снова уставились на меня. Он заполняет на меня какой-то документ, дошло наконец.

– Аделаида Попова, – четко, чуть ли не по слогам произнесла я. Привыкла на международных показах, что иностранцам наши имена кажутся чем-то непроизносимым. И вообще, обычно я сокращаюсь до Ады. И даже привязчивая дразнилка «Ада из ада» меня не коробит. Наоборот, я первая над ней хихикаю, а потом делаю грозный вид и обещаю с собой в тот ад утянуть.

Дошутилась, да. Утянули.

– Магии нет. Против короны замышляете недоброе? – продолжая тарашиться на меня сквозь увеличительное стекло на палке, уточнил мастер теней.

– Нет! – со всей возможной убедительностью замотала го-

ловой я. Корона – это дело такое, против нее замышлять себе дороже.

– Род занятий? – взгляд скользнул по моей запылённой водолазке, задержался с подозрением на кофре и оценивающе замер на ногах, обтянутых джинсами, так что я с трудом подавила желание подобрать их под себя. Прикрыть-то все равно нечем.

А я, наивная, думала, что консервативно оделась! Ну кто же знал, что меня занесёт в аналог викторианской эпохи. Судя по женщинам, которых я заметила на улице, на мне сейчас чистая провокация, и, если бы не трое сопровождающих, вряд ли я далеко бы ушла.

– Мастер макияжа! – выпалила я, и мужчина мгновенно потемнел лицом. Зародившееся было снисхождение куда-то мигом улетучилось.

– Не советую повторять сию крамолу в людных местах, – холодно посоветовал мне он, откладывая в сторону лорнет. – Мастерами бывают только мужчины, тем более не придумывайте несуществующих профессий. И не врите.

Хоть я и не врала совершенно, послушно пошла на попятный и не стала настаивать на половом равноправии.

Опять же, не время и не место.

Взамен я пристыженно потупилась и пробормотала:

– Художник.

Слышала эту версию, когда меня нашли. В принципе, кошку нарисовать так, чтобы ее отличили от стула, я сумею,

да и кистей полон чемоданчик. Так что версия вполне рабочая. Мастер теней ею тоже удовлетворился, поощрительно мне кивнул и вернулся к заполнению бумаги.

Что он там писал, не знаю – мне никто ничего подписывать или проверять не предлагал. Закончив, Ладинье снова приложил к документу штамп, – кажется, уже другой – помахал листом в воздухе, просушивая, и отложил в сторону. Окинув меня еще одним оценивающим взглядом, мастер черкнул еще несколько строк на небольшом клочке бумаги и протянул мне.

– Отдайте дежурному у выхода. Он знает, что делать. И удачи.

Я подскочила с места, схватила бумажку одной рукой, другой по-прежнему прижимая к себе кофр, как любимое дитя, и неуверенно застыла у стола мастера.

– И все? – недоуменно поинтересовалась у вновь уткнувшегося в записи Ладинье. Он поднял глаза и прищурился, с интересом разглядывая.

– А что бы вы еще хотели? – уточнил он не без ехидства. Я помялась, поскольку сама не знала, что именно еще хочу. Инструкцию к новому миру? Гида-экскурсовода? Что-то мне подсказывало, что подобного я не дождусь, поэтому с сожалением покачала головой.

– Ничего, спасибо. Извините за беспокойство, – на автопилоте выдала я, попятившись к двери. Мастер проводил меня насмешливым взглядом и вернулся к работе.

Дежурный за стойкой тоже писал, только куда вдохновеннее и с большим энтузиазмом. Перегнувшись через узкую полосу дерева, я оценила ровные строки с деликатным наклоном и обилием завитушек, про себя отметив, что язык незнакомый и прочитать я это вряд ли смогу, но выглядит как стихи. Заметив мой интерес, суровый бородач чуть покраснел видимыми частями лица и прикрыл творчество лопатообразной ладонью.

– Вот, мастер Ладинье просил передать, – я протянула ему исписанный клочок. По дороге я и его попыталась разобрать... Безуспешно. Но там еще можно было списать на врачебный почерк, а тут явная каллиграфия, по-прежнему не поддающаяся расшифровке.

Похоже, читать мне придётся учиться заново.

Бородатый стихоплёт бегло просмотрел написанное на листке, причём никаких видимых затруднений не испытывая. Профдеформация, наверное. Аптекари же как-то рецепты разбирают.

– Сейчас, – кивнул он мне и ушел куда-то в подсобное помещение, расположенное сразу за конторкой. Предоставленная сама себе, я огляделась. Побитых и закованных в кандалы уже куда-то дели, и вообще людей в холле было поменьше, чем когда меня привели. Все были чем-то заняты, и на меня никто внимания не обращал. Слишком уж демонстративно. Стоило мне отвернуться к стойке, как я спиной ощутила ощупывающие мою обтянутую джинсами пятую точку

взгляды.

– Держи, – вернувшийся бородач брякнул передо мной туго увязанный мешочек. – Посobie на первое время. Если не шиковать, на неделю хватит, дальше советую устроиться на работу.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я, мысленно воздав должное заодно и мастеру теней. Вот уж не ожидала от сурового любителя темноты такой заботливости. – Обязательно поищу.

Пройдя через гулко отражающий эхом мою поступь холл, я решительно распахнула дверь и шагнула наружу, к свободе.

Глава 3

Густые химические испарения, смешанные с человеческим потом и несколько неуместной на таком фоне озоновой свежестью, ударили в лицо с порывом ветра. Замерев на верхней ступеньке крыльца, я огляделась. Людей на улице было немного и раньше, а сейчас вообще обезлюдело. Редкие прохожие перебежали от дома к дому, прячась от задувающего во все щели песка. Или пепла? Камни мостовой быстро покрывались сероватым налетом.

Вот она, та буря, о которой говорил экспериментатор.

Глаза быстро защипало, и я отступила к самой стене, под прикрытия дверной ниши, чтобы проморгаться и понять, куда двигаться дальше.

Напротив участка, пофыркивая и изредка встряхивая гривой, стояла пара чёрных коняг, припорошенных пеплом. Бурю они не замечали благодаря зловещего вида маскам, закрывавшим всю морду и походившим формой и цветом на гигантские вороньи клювы. Попоны укрывали тела коняг, так что на поживу ветру оставались только мохнатые, часто переступающие ноги. Колымага, в которую были запряжены тяжеловозы, каретой могла называться только в мечтах Золушки. Скорее это была сараюшка, поставленная зачем-то на колёса и выкрашенная в чёрный.

Пока я стояла в задумчивости на крыльце, мимо меня

проехал один всадник и две таких же кибитки... и ни одной машины наподобие той, что привезла меня в город. Значит, они еще не получили широкое распространение. Помнится, в нашем мире тоже был период, когда машинам пророчили скорое исчезновение из-за бесперспективности. Кто знает, может та страхолюдная конструкция вообще единственный экземпляр?

Логичным было бы перейти улицу, сесть в повозку и попросить отвезти меня в приличный, но не слишком дорогой постоялый двор. Или отель. Или как тут называют места, где можно снять комнату? Но интуиция, которой за свою жизнь я привыкла доверять, орала благим матом.

Ну не нравится мне пристальное внимание кучера. Нет, возможно, он просто засиделся и ждёт клиентов, вот и поглядывает на меня, примеряясь к потенциальной платежеспособности, но что-то мне его кэб, лишенный опознавательных знаков, как и сам он, в неприметной, в меру поношенной одежде, доверия не внушает. Окна в транспорте очень удачно затемнены – странно, и на других извозах я такого не видела...

И есть ли кто внутри, непонятно.

Втащат никому не известную в этом мире девицу, увезут куда – и поминай как звали. И хорошо если в бордель, а не к маньяку какому. Иллюзий по поводу местных дворян я не питала. Вряд ли они сильно благороднее наших аналогичного исторического периода. И ненормальные, благодаря близ-

кородственному скрещиванию, появлялись среди них чуть ли не чаще, чем нормальные.

Постояв на крыльце, я так же решительно вернулась.

Когда я поравнялась со стойкой, брови бородача бесхитростно полезли на лоб.

– Мастер теней отсюда же выходит после работы? Никаких служебных дверей нет? – уточнила я у дежурного. Он машинально кивнул, подтверждая. – Тогда я его подожду.

И демонстративно устроилась у стены. Скамеек в холле не было, кресел – тем более, так что я прислонилась к одной из колонн головой и прикрыла глаза.

– Что вы тут делаете? – вырвал меня из полудремы резкий недовольный голос. Я дернулась, скользнула плечом по колонне и чуть не упала. Крепкие мужские руки на секунду ухватили меня, придержав и помогая восстановить равновесие, и тут же убрались, будто их владелец обжегся.

Потерев лицо, я уставилась в лицо мастеру теней. Сейчас, в ярко освещённом холле, он должен был растерять часть своей таинственности, но, вопреки ожиданию, выглядел еще более загадочно, чем в полумраке кабинета. Темные волосы до плеч растрепались, словно их обладатель имел привычку в задумчивости ворошить прическу, а глаза, цвет которых я безуспешно пыталась рассмотреть, оказались темного, иссиня-стального оттенка неба перед грозой. К своему удивлению, смотрела я ему куда-то в подбородок. Ладинье оказался немалого роста, но пока он сидел, так заметно не было.

– Вас жду! – радостно заявила я, приходя в себя. Мастер теней несколько оторопел и растерянно огляделся по сторонам в поисках поддержки. Немногочисленные сотрудники старательно делали вид, что по горло заняты разговорами и делами, но украдкой с любопытством стреляли в нашу сторону глазами. Кажется, мирно беседующий с кем-то Ладинье не укладывался в их картину мира.

Задумка моя была шита белыми нитками, только вот вариантов других я не видела. Бежать искать тех горе-исследователей, что притащили меня в этот мир?

Где? И как? Пешком, в бурю?

Кроме них и мастера теней, у меня и знакомых-то в этом мире не было. А Ладинье оказался неплохим мужиком, позаботился о деньгах на первое время для неизвестной девицы. Пусть и не из собственного кармана выдал, но имел полное право выдворить меня на улицу безо всякого пособия. Уверена, судя по уважительно-опасливым взглядам, бросаемым на него украдкой сотрудниками, никто бы ему и слова не сказал.

Решено. Буду следовать намеченному плану.

– У меня есть для вас предложение, от которого вы не сможете отказаться! – боясь передумать, быстро выпалила я.

В знак интереса мастер поднял одну бровь. Слегка.

Я откашлялась... и поняла, что запасы моей храбрости на исходе. При всем честном народе я ему точно подобного не выскажу.

– Мы можем поговорить где-нибудь в более приватной обстановке? Без лишних ушей? – понизив голос, я сделала шаг к мастеру Ладинье. Тот склонил голову, внимательно и бесстрастно меня изучая. Сердце мое колотилось где-то в горле, руки холодели, норовя выпустить драгоценный кофр. А ну как пошлёт? У таких роскошных мужиков должны целые очереди из дам выстраиваться, только успевай с ленточкой выбирать. И тут я – ни кожи, ни рожи, ни происхождения... хотя, я же не в жены ему набиваться собираюсь.

После долгой паузы, к моему несказанному облегчению, Ладинье кивнул. Развернулся чуть боком и предложил мне локоть, будто я не оборванка в облегающих джинсах, а дама с зонтиком. Я, робея, зацепилась за рукав негнушимаися пальцами, вспомнив подобные конструкции из исторических фильмов. Ну правда, кто в наше время ходит под ручку? Разве что старшее поколение. Остальные бегают по делам – тут не до тонкостей этикета.

Когда мы с мастером теней ступили на крыльцо, возница кибитки с затемнёнными стёклами досадливо сплюнул, на мгновение приподняв корявый щиток, и стегнул лошадей. Те флегматично махнули хвостами, стряхивая пепел, и потрусили вниз по улице. Я проводила их задумчивым взглядом.

Даже интересно, кто из служителей правопорядка состоит на финансировании у нелегальных структур? Не просто так же этот транспорт стоял у порога столько времени. Да я только мастера ждала несколько часов. За это время давно

нашёл бы себе пассажира, но нет... А значит, целенаправленно поджидали меня.

– Вы голодны? – нарушил неловкое молчание Ладинье. Он тоже внимательно смотрел вслед колымаге. То ли знает о подставах, то ли его привлёк мой интерес к ничем не примечательному гужевому транспорту.

– Да, очень, – старательно улыбнулась я, переводя взгляд на спутника. Живот согласно заурчал во всю мощь. Еще бы: дело к утру, а я со вчерашнего обеда без крошки во рту. Да и что тот обед – перекус бутербродом. Хорошо хоть любезный бородач за стойкой указал мне, где у них расположена дамская комната, а то точно мастера теней не дождалась бы, опозорилась раньше. А так умылась, воды попила, понадеявшись, что если она тёплая, то вроде как почти кипяченая. Интересно, что опции холодной воды не было вообще. Я даже покрутила вентиль туда-сюда, настраивая. Нет, либо тёплая, как парное молоко, либо обжигающе горячая. Но выбирать не приходилось. Все же лучше микробы, чем смерть от обезвоживания.

Под ручку, неспешным шагом мы двинулись по улице в сторону, противоположную той, куда укатил подозрительный транспорт. Буря поутихла, утро потихоньку назревало и люди, особенно одетые попроще, спешили куда-то с деловым видом. На работу, наверное, куда же еще.

Щитка Ладинье не надел и мне не предложил. Возможно, потому что идти нам было недалеко. Да и пепел уже не с та-

кой силой летел в лицо, позволяя сравнительно свободно дышать. Я с любопытством вертела головой по сторонам, отмечая все подряд: одежду рабочих и торговцев, занятное строение зданий – каркасом наружу, где по фасаду зачем-то крестнакрест шли металлические полосы, превращавшие обычные, в общем-то, каменные постройки в мечту авангардиста.

Свернув с основной улицы, Ладинье миновал два перекрестка и нырнул в широко распахнутые двери здания, из которого аппетитно пахло свежей выпечкой. Я послушно последовала за ним.

– Кофе и набор сдобы на двоих в кабинет, – потребовал он мимоходом, протаскивая меня мимо несколько ошарашенных хозяев заведения. Я едва успела кивнуть и мельком поздороваться.

Кабинетом оказалась комнатка, отгороженная от основного зала высокими ширмами и густыми зарослями ползучих растений. Кажется, первая зелень, которую я здесь увидела. Чувствовала она себя в горшках превосходно, росла кустисто и даже вроде бы цвела.

Заказ принесли в рекордные сроки. Мы с мастером только успели выбрать, кто на какой диванчик сядет. Точнее, он выбрал, а я быстро юркнула на тот, что был напротив.

Вести предстоящую беседу мне будет куда комфортнее на приличном расстоянии.

– Итак, – налив нам в полупрозрачные чашечки ароматный, свежесваренный кофе и пододвинув ко мне блюдо с раз-

нообразной выпечкой, намекнул мастер теней, – о чем вы хотели со мной побеседовать?

С тяжким вздохом покосившись на булочки, я мужественно удержалась от порыва смести их все сразу.

Он прав – сначала дело.

– Я хотела вам предложить себя. В качестве содержанки.

Мне пришлось встать, обогнуть стол и похлопать поперхнувшегося мастера по спине. Он-то кофе успел отпить, и от удивления тот пошел не в ту сторону. Откашлявшись, Ладинье поднял на меня слезящиеся глаза.

– Что, простите? – прохрипел он, надеясь, очевидно, что ему послышалось.

Я обошла стол обратно и, усевшись, с наслаждением укусила булочку за еще тёплый бок. Тесто было тонким, внутри сочная начинка из каких-то малоузнаваемых темно-красных ягод.

– Вы женаты? – уточнила на всякий случай. Даже не знаю, передумаю ли в случае положительного ответа. У меня в свое время был принцип не заводить отношений с занятыми мужчинами. Мало того, что приходится его делить с кем-то, то есть времени тебе уделяют в два, а то и более раз меньше, так еще и нервы придется тратить на разборки, если о тебе другая прознает. А то и восстанавливающую пластику делать.

Ну его, такое счастье.

На мою удачу, все еще покашливающий Ладинье покачал головой. Я просияла.

– Ну вот и чудненько! Я вас не стесню. Признаться, я неприхотлива. Много одежды не потребую, к драгоценностям отношусь равнодушно, на балы не рвусь. У вас тут бывают вообще балы?

– Погодите! – поднял руку краснеющий на глазах мужчина. Я послушно замолчала на полуслове.

– А почему вы не пойдёте более традиционным путём? Замуж, например, не выйдете? Не за меня! – поспешно добавил Ладинье, видя, что я уже открыла рот. – За какого-нибудь... желающего.

Видно было, что он вовремя проглотил синоним «бедолагу».

Я мысленно потирала руки. Не прогадала с типажом. Такие женятся поздно, если вообще связывают себя узами брака. А мужские потребности вроде похвастаться успехами и пройтись под ручку с красоткой на зависть недругам никто не отменял.

– Правила морали и общества в любое время и в любых мирах одинаковы, – пожалала я плечами. – Судя по закрытости одежды местных дам и реакции ваших подчиненных на меня, до равноправия и свободы самовыражения вы еще не дошли?

– Какое еще равноправие? С женщинами? – вытаращился на меня мастер теней. Ясно все с ними. До полноценного общества еще как до Китая пешком.

Кстати, тут он есть?

Потом! Вся география с политикой – потом, сначала нужно тепло пристроиться.

– Вот и я о чем! – назидательно подняла я указательный палец, скопировав маму, преподавателя матанализа. Сердце предательски екнуло, отвлекая от миссии по трудоустройству.

Не время раскисать, тряпка!

– Отсюда вывод, что замуж ваши девицы идут, так сказать, девицами? – продолжила я мысль. Мне показалось или суровый теневого дел мастер покраснел?

– Обычно да, – кивнул он. – Иначе позор и ей, и ее роду.

– Тогда у меня не осталось вариантов, – развела я руками. – Шить-убирать я не умею, да и вообще... У меня лапки.

Я продемонстрировала для наглядности свежий, только позавчера обновлённый ярко-алый гелевый маникюр миндалевидной формы. Чуть заострённые к концу ногти хищно блеснули в свете газовой лампы. Ладинье вздрогнул.

Нервные они тут какие-то. Как бы мне вместо тёплого места любовницы в холодную тюрьму не угодить...

– Можете пойти к какой-нибудь даме компаньонкой, – вяло предложил он, а сам уже оценивающе оглядывал остальное прилегающее к маникюру тело. Я откинулась на диванчике, позволяя оглядывать меня во всей красе. Лицом товар, что называется.

– Вы серьезно? – фыркнула я. – Для того, чтобы попасть к девице в компаньонки, нужны манеры, а у меня их нет.

Ладинье согласно кивнул, хотя мог бы и поддержать как-нибудь. Мол, не все так ужасно, мисс. Очевидно, жуть я жуткая по местным меркам.

– А к пожилой даме – чревато. У них обычно сыновья-племянники имеются. И будет опять же неприличное предложение, только не факт, что оно мне понравится, – продолжила я. Он усмехнулся краем рта, обозначив тонкие линии смешливых морщинок у глаз. Сколько ему? Тридцать пять, сорок? Не понять. Но из той породы, что с возрастом становится только круче и привлекательнее. Вроде Шона Коннери.

– А я вам, значит, нравлюсь, – сделал он своеобразный вывод из моей тирады и тоже откинулся на спинку кресла, складывая руки на груди в защитном жесте. Не доверяет мне... Ну так по должности положено. Было бы удивительно, если бы следователь раскрывался перед всеми подряд.

Я тоже сложила руки и обозрела его, как он меня недавно. Будто мясо на прилавке оценивала. Ему не понравилось чувствовать себя товаром, выставленным на продажу, и Ладинье нахмурился.

Пусть прочувствует нашу тяжелую женскую долю. Не все мужчинам выбирать.

– Вы добры, отзывчивы, не бросили девицу в беде, кроме того, хороши собой. Да, вы мне нравитесь, – честно выдала я, а уши мастера запылали с новой силой. Его что, не хвалил никто никогда? – И потом, содержанка – не равно любовница.

– Нет? – в голосе Ладинье явственно звучало разочарование. Ну а что, он думал, я первому встречному всю себя предложу? Я хочу устроиться, а не продаться.

– Нет конечно, – я стиснула руки под столом, чтобы не было видно, как они дрожат. Нервы беседа забирала с космической скоростью. – Содержанка – это красивое личико, которое не стыдно иногда привести в гости к друзьям. Это образование, которое, поверьте мне, я быстро подтяну до нужного уровня. У вас есть библиотека?

– Есть, – окончательно растерявшись под моим напором, пробормотал мастер теней.

– Замечательно! – восхитилась я. – Уверяю вас, через месяц со мной будет не стыдно явиться к самой королеве. Ну, и само собой, я не потребую от вас брака. Только некоторые материальные блага, но ничего запредельного. В меру.

– В меру, значит, – попугаем повторил за мной Ладинье. И, встрепенувшись, уточнил: – А если нам придется держаться за руки на людях или поцеловаться? Исключительно ради моего престижа, разумеется. Вы сможете присесть ко мне на колени, например?

И он хитро уставился на меня. Уел вроде как. Только вот мне после прохода по подиуму в купальнике уже никакое шоу не страшно.

Вместо ответа я обогнула стол и молча устроилась у него на коленях.

Глава 4

Сидела я аккуратно, ровно, выпрямив спину и чинно сложив руки перед собой. Чисто девица на собеседовании, только вот местоположение подкачало. Ладинье напрягся, закаменел, затем, опомнившись, спихнул меня на диван и отполз в самый дальний угол, раздраженно сверкая глазами.

– У вас там все женщины такие... пробивные? – кажется, он проглотил по воспитанности что-то куда более обидное. Вот и молодец, что ругаться не стал.

Я повела плечом, пересаживаясь обратно на свое место. Жаль, не успела проверить, настоящие ли у него мышцы под рубашкой. А то мало ли. Некоторые на фотосъемках силиконовые накладки в разные места подпихивают, чтобы плечи шире казались. Какой-то он нервный. Ну не хочешь – так и скажи, бросаться-то мною зачем?

– Только когда нас вынуждают обстоятельства. В обычной жизни, знаете ли, ни избы не горят, ни кони не убегают, – иномирного невеселого юмора он не понял, конечно же. Только зачем-то продолжал отряхивать колени, как будто с меня могла насыпаться труха или пыль. Я тоже огладила джинсы – нет, вроде не сильно пыльные. – Так что считайте это жестом отчаяния.

С минуту мы молчали, буравя друг друга взглядами. Ладинье не выдержал первым.

– Хорошо, будем считать, вы меня напугали и впечатлили, – Напугала? Ну, спасибо. Я, вообще-то, только впечатлить собиралась! – Теперь поговорим серьезно, – буркнул мастер, устав играть в гляделки. Мне-то что, я уже почти сытая, довольная жизнью, кофе вон вообще способствует налаживанию душевной организации, поэтому томительную паузу выдержала с честью. Еще и пожевать успела. – Что вам от меня нужно?

– Покровительство. Защиту. Информацию, – четко отбарабанила я. – Вы когда допрос проводили, почему не разузнали, кто я? Откуда? Есть ли родные? Может, я засланка, а не попаданка?

– А что тут узнавать? – пожал плечами мастер. – У вас все четко на ауре написано. К нам из параллельностей кого только не закидывает. Не всегда настолько дружелюбного, потому и отвели ко мне. Я умею... отправлять обратно.

И так он это весомо сказал, что просьба вернуть и меня замерла на губах, не родившись.

Ладинье отсалютовал чашкой с кофе и выпил остывший остаток залпом, как водку. Кажется, он от своей работы не в восторге... Вроде грязно и не слишком почетно, но кто-то же должен ее делать. В том, что отправлял он опасных переселенцев вовсе не домой, я не сомневалась. По спине запоздалой гурьбой пробежали мурашки, намекая, что, возможно, я поторопилась с выбором покровителя.

А может, и нет... Не прикопал же он меня до сих пор, зна-

чит, не так уж и страшен мастер теней. Рядом с ним уютно, будто морозно... Ну так ему самому наверняка куда холоднее.

– Убедили. Не буду вас учить вести допрос, – пробормотала я, вызвав у мастера легкую улыбку. – Если уж мы пытаемся говорить начистоту – я боюсь. Я чужая в этом мире, никого не знаю, не понимаю, как себя правильно вести, и, если я вас правильно поняла, еще и осталась без профессии. Поэтому мне нужен кто-то надежный, кто подскажет что и как, но при этом прикроет, если я все же по недосмотру и неумению наломаю дров.

Губы Ладинье дрогнули в усмешке. Что ж, если не пройдет вариант с содержанкой, пойду в клоуны. Хоть цирк-то тут есть?

– И в обмен вы готовы расплачиваться собой? – протянул он, а я поняла, что поторопилась зачислять его в меценаты. Только вот поезд уже ушел. Когда меня отбрасывают, как блохастую кошку, желание предлагать себя как-то испаряется.

– Необязательно только телом, – терпеливо поправила его я. – Своим временем. Заботой, вниманием. Всем же людям нужен друг: выслушать, поддержать, помочь советом. Пусть даже вы после сделаете наоборот. Мне почему-то показалось, что такой человек вам не помешает.

– Вы ошиблись, – холодно заявил мастер, поднимаясь с места. – Мне никто не нужен. И уж тем более дерзкие жен-

щины с изнанки мира.

Я тоже поднялась, не забыв свой бесценный кофр. Он служил мне неким якорем, привязкой к взбесившемуся миру вокруг. Выплыла же я как-то, когда мама умерла. И еще раз, когда отец повторно женился. Выплыву и сейчас.

– Однако я слишком хорошо воспитан, чтобы бросить даму на улице, – продолжил Ладинье, не дойдя до выхода. Он разговаривал будто бы и не со мной, а с ширмой. Видно было, насколько для него непривычна и абсурдна вся эта ситуация. Тем не менее он старался держаться и общаться со мной уважительно, а не посылать лесом. – В этой кофейне сдаются комнаты. Я оплачу вам ее на месяц. Думаю, с вашими пробивными талантами не составит труда найти себе приличную работу за этот срок.

– Спасибо, – кивнула я, хоть мастер на меня и не смотрел, а значит, видеть жеста не мог. Все получилось даже удачнее, чем задумывалось. Зачем мне в нагрузку еще и мастер теней, когда дают деньги, крышу над головой и ничего не требуют взамен? – Я вам очень благодарна.

Ладинье передернул плечами, будто брезгливо стряхивая мои слова, и поспешно обогнул ширму, скрываясь с глаз. Я задержалась: еду мы не оговаривали, а на блюде еще оставалось целых две булочки. Сама удивляюсь, куда в меня столько лезет. Стресс, наверное.

Когда я вышла в основной зал, торг уже заканчивался. Судя по уловленным мною фразам, щедрый Ладинье обеспечил

меня не только жильем, но и трехразовой кормежкой. Торговался, правда, как на базаре, но, судя по азартно блестящим глазам хозяина заведения, тому это доставляло превеликое удовольствие. Я невольно усмехнулась. Мастер теней тщательно оберегал свой имидж нелюдимиой буки, но на поверку оказался весьма внимательным к нуждам и чаяниям других людей. Сразу видно: он мог просто выложить всю сумму не задумываясь, но в этой таверне принято сбивать цену, и Ладинье послушно следует установленным негласным правилам.

Уплатив сумму, которая устроила обе стороны, мастер, не задерживаясь, развернулся на выход. Я поспешила догнать его.

– Спасибо вам еще раз! От всей души, – тронув его за рукав, негромко произнесла я. Судя по взглядам трактирщика и его жены, меня в итоге все равно записали в содержанки. Мелкие такие, которые на что-то более ценное, чем комнатуха в гостинице, и не заработали. – Я верну вам деньги.

– Не стоит благодарности и не нужно ничего возвращать, – невесело усмехнулся тот. – Наоборот, спасибо вам. Вы очень вовремя указали мне мое место. А то я что-то забылся.

Он ушел, а я еще долго стояла как оплёванная, пока трактирщик робким покашливанием не напомнил, что можно и посмотреть на мое новое жильё.

Странно как-то получилось. Предлагала себя я, а оскорбился в итоге он. И у меня в самом деле было ощущение, что

я Ладинье каким-то образом обидела.

Понять бы еще чем...

Пожав плечами, я в растрепанных чувствах побрела вслед за хозяйкой трактира вверх по лестнице. Получив деньги, она подобрела и уже не смотрела на меня с откровенной брезгливостью. И правда, если они будут перебирать, кому сдавать комнаты, так и без клиентов останутся.

Комнатка была первой от лестницы, так что все шумы и запахи будут доноситься в полном объёме, но зато чистой. По крайней мере с виду. Белье похрустывало от крахмала прямо как в детстве. Грудь сдавило с новой силой.

Чтобы скрыть замешательство, я подошла к окну и отодвинула тонкую кисейную занавеску. Открылся вид на небольшой дворик, густо усаженный ровными серо-зеленоватыми грядками, покрытыми ровным слоем пепла. Кажется, овощи с грядки идут прямо на стол. Удобно, надеюсь только, их сначала все же моют.

– Завтрак в это же время, обед после полудня, ужин в... я вас позову, в общем, – стушевалась женщина. Еще молодая, с крупными правильными чертами лица, которые не портила некоторая полнота – она производила приятное впечатление. Я улыбнулась и поблагодарила за заботу.

– Мастер оплатил вам еще платье на первое время, – помявшись, добавила она. – Мое вам вряд ли подойдет, я у соседей спрашиваю, к завтрашнему дню будет.

– Большое спасибо, – глаз у меня все же дернулся. Нет, я

понимаю, что джинсы – не самое викторианской одеяние, и даже признательна за заботу, но это можно же было как-то решить со мной лично!

Заметив, верно, некие признаки озверения на моем лице, трактирщица бочком покинула комнату, напомнив еще раз, что на обед позовёт. А еще лучше принесёт сюда, в комнату, пока я одета не совсем подобающе.

Сил ругаться не было. Да и женщина ни в чем не виновата. Ни в моем попаданстве, ни в замаскированном хамстве мастера теней. Чем же, интересно, я его успела так задеть, что он даже денег мне лично предложить побрезговал? Может, решил, что я тогда вовсе на него напрыгну и заставлю-таки взять меня в содержанки? Пусть не мечтает. Предложение было одноразовое, от полного отчаяния. За месяц уж как-нибудь освоюсь и найду пристойный способ заработать. Может, и правда художником?

Кстати о художествах.

Я наконец-то поставила на прикроватный столик свой драгоценный кофр и дрожащими руками приоткрыла крышку.

Что ж, ожидаемо, что тени перемешались в радужную пыль. Одно хорошо: палетки я собирала по тональностям, так что вместо восьмидесяти оттенков у меня теперь четыре. Можно сделать из них прессованные метеориты, потом займусь.

Искрошенные румяна в ту же кучу. Удачно, что я живу в

трактире. Наверняка здесь найдётся водка. Если нет – придется искать или самой варить глицерин. Впрочем, с их уровнем развития он наверняка уже должен существовать.

Рассыпчатая пудра практически не пострадала, если не считать сколотого края упаковки. Главное, не насквозь, уже хорошо. Эстетика меня сейчас волнует в последнюю очередь.

Кисти чудом уцелели практически все. Я недосчиталась одной кабуки и двух растушевок, но без них вполне можно обойтись. Тюбики тоже не пострадали, как и блески в тубах. Помад в стиках у меня было всего три – их придётся восстанавливать. Остальные, в палитрах, прекрасно себя чувствовали.

Перебрав свои сокровища, рассортировав их по степени побитости и отложив в сторону то, чем нужно заняться в первую очередь, пока оно не испортилось безвозвратно, я решила протереть кофр. Блёсток и цветной пыли, да и вездесущего пепла, там накопилось знатно.

Механическая привычная работа успокаивала. Если бы я оказалась в четырёх стенах без занятия, наверное, бегала бы из угла в угол и сходила с ума. А так можно представить, что ты в отеле в незнакомом городе. Точнее, исходя из размера номера, в дешёвом, пусть и чистом мотеле.

Кроме кровати и тумбочки, в комнате имелся встроенный шкаф со вполне современной дверцей на рельсах, такая же дверца в стене напротив прикрывала вход в санузел. Душ,

раковина и туалет, выдраенные до блеска, хоть и достаточно побитые жизнью. Ну так от трактира глупо ждать пятизвездочном сервиса. Полотенца есть, даже целых два – чего еще желать.

Здесь вода тоже была либо тёплая, либо горячая. Как ни крутила я вентиль, прохладную мне получить так и не удалось, и чем теплее – тем явственнее становился сероводородный дух. Кажется, она поступает напрямую из горячего источника.

Я, конечно, мечтала о спа на термальных водах, но представляла себе это как-то по-другому.

Отложив душ на потом, намочила край одного из полотенец и тщательно протерла разобранные недра кофра. Все крепления и ячейки вынимались, так что я их промыла по отдельности, просушила как следует и сложила обратно то, что не нуждалось в восстановлении. Получилось не так уж мало.

Пока я предавалась самообману, наступило время обеда. В дверь деликатно постучали, и все та же трактирщица принесла мне полный поднос снеди.

Если я буду так питаться три раза в день, то из комнаты скоро не смогу выйти. Я поблагодарила женщину и поинтересовалась, не найдётся ли у нее водки. Или крепкого самогона. Про первое она не слыхивала, а второе обещала найти, при этом косилась странновато. Ну, дальше мне в ее глазах опускаться, судя по всему, уже некуда: мало того, что содер-

жанка, так еще и алкоголичка.

Каша из пророщенных злаков с мясом привела бы в восторг сторонников здорового питания. Овощи, поданные отдельно, были пропечены до хрусткой корочки, на десерт – сладкий пудинг с едва уловимым ароматом густых сливок. В одном кувшине, поменьше, было вино, в другом – вода. Судя по запаху, та самая, что текла из-под крана, только охлажденная.

Одно успокаивает: несмотря на все бури и пепел, питаются здесь неплохо. Соль-перец в наличии, коровы, судя по жирным сливкам, тоже не бедствуют. Можно жить.

Остаток дня я провела, все так же бесцельно слоняясь из угла в угол. Выходить из номера пока что побаивалась. Мир новый, незнакомый, а я в джинсах и водолазке в обlipочку.

Водку мне так и не принесли.

Зато я долго-долго отмокала под пахучими струями в душе, жалея, что нет ванны. С ужином трактирщица, сообразив, что у меня не только выходной одежды нету, но и вообще сменной, притащила новую, такую же хрустящую, как постельное белье, безразмерную сорочку-парашют. Я ей обрадовалась как родной. Все же чистой лезть в пыльное белье – радости мало.

Так что спать я ложилась в приподнятом, оптимистичном настроении.

А зря.

Распахнув глаза, как от удара в бок, я какое-то время мол-

ча хватала ртом воздух, пялясь в дощатый побеленный потолок, на котором причудливо пересекались тени, и пыталась унять бешено бьющееся сердце. Сон в памяти не отложился, но выплеск адреналина, разбудивший меня, мешал перевернуться на другой бок и уснуть обратно.

Тем более, что тишину спящей таверны то и дело нарушали какие-то непривычные звуки. Оглушительно громко капала вода, причём, кажется, не у меня, а в соседнем номере. Поскрипывали неплотно прикрытые ставни, которые хозяйка лично закрыла со словами, что ночью ожидается сильный дождь. Его пока не было, зато духота стояла такая, что хоть ложку вешай. Очень хотелось встать и открыть окно нараспашку. Вряд ли полегчает – перед грозой наверняка парит на улице еще хуже, чем в помещении, но хоть ветерок создать.

Я собралась было встать с кровати и с ужасом поняла, что не могу пошевелиться. Дернулась пару раз, проверяя невидимые путы, но те держали на совесть. Хотела закричать, позвать на помощь, но и этого не сумела. Горло сдавила невидимая петля, перекрывая воздух и не давая произнести ни звука. Я только и могла расширенными от испуга глазами смотреть, как медленно, напоминая кадры из низкобюджетного ужастика, открывается дверь.

Беззвучно, хотя только недавно под хозяйкиными руками она скрипела, как паровозный гудок.

Я задергалась как уж на сковородке, пытаюсь высвободиться, но все телодвижения происходили исключительно в

моей голове – тело лежало камнем, и не собираясь повиноваться.

На пороге возникли две фигуры. Они скорее угадывались, чем различались, и то во время движения. Стоило им замереть, как я теряла их из виду, а потому до рези в глазах всматривалась в темноту, благо засыпала как раз лицом к двери... Хотя чем мне могло помочь то, что я вижу злоумышленников, не представляю.

То, что они пришли ко мне – в запертую, между прочим, изнутри комнату – не с самыми добрыми намерениями, было очевидно. Возникал вопрос: они здесь тайком или с ведома хозяев трактира?

Неужели несчастная попаданка нигде не может почувствовать себя в безопасности?

Я снова упрямо попыталась закричать, но из горла вырвался только невнятный хрип.

– Сильна, – одобрительно прошептал один из ночных незваных гостей.

– Заткнись. Бери ее и валим, – резко ответил другой, в подтверждение своих слов делая шаг вперед, к моей постели.

По щекам неконтролируемо потекли слезы. И что теперь? Меня ведь даже искать никто не будет. Мастер теней если и вспомнит про пробивную попаданку, так ему скажут, что я работу нашла и съехала. За город куда-нибудь. И все. Вряд ли он будет меня разыскивать, чтобы попрощаться. У него своих дел полно.

А больше у меня и знакомых в этом мире нет, мускулистые ученые не в счет.

С меня бесцеремонно сдернули одеяло, похотливо хрюкнув при виде парашютной ночнушки, и один из будущих похитителей наклонился над кроватью, чтобы подхватить меня и «валить».

Ставня на окне снова брякнула, но как-то по-другому... Не от ветра.

Оба злоумышленника насторожились, глядя в ту сторону. Однако возмездие пришло не с улицы, а из коридора.

Глава 5

Холодный, безразличный голос с ленцой произнёс:

– Отойдите от кровати. Руки на виду, при попытке активировать артефакт стреляем на поражение.

В только что вроде бы пустой спальне внезапно образовалась куча народу. Зажегся свет под потолком, повинувшись взмаху чьей-то руки. В ярком пламени газовой лампы злоумышленники уже не пугали – они выглядели смешно и гротескно в чёрных костюмах и чем-то вроде чулок на головах. Их повязали в считанные секунды, болезненно заломив руки за спину и стянув их широкими кандалами. Не простыми металлическими браслетами, что я видела в участке вчера, а наручами от запястья до локтя с какими-то точками, полосками и узорами. Один из сторонников правопорядка нырнул под кровать, заставив меня нервно – мысленно – вздрогнуть, и тут же вылез с какой-то круглой штукой в руках.

– Парализатор. Ограниченного действия, одноразовый. Как я и думал, – хмыкнул он, демонстрируя находку Ладинье, который по-прежнему несколько картинно подпирал косяк. Мастер теней кивнул, его подчиненный нажал на какие-то кнопки, и я наконец-то получила возможность вдохнуть полной грудью.

И тут же вцепилась в толстое стеганое одеяло, поплотнее натянув его по самые уши. Я не ханжа, но такое количество

посторонних мужчин в моей спальне лицезреть не привыкла.

– На допрос. И проследите, чтоб не как прошлый раз, – мотнул подбородком Ладинье подчиненным, уводившим незадачливых преступников, и осторожно присел на краешек кровати в ногах. Я подобралась и тоже села, продолжая кутаться в одеяло. Начинался озноб. То ли откат от воздействия артефакта, – твою мать, на меня воздействовали артефактом! обалдеть можно! – то ли испуг уступал место отходняку. – Ты как?

– А что было прошлый раз? – клацая зубами, с трудом выговорила я.

– Яд проглотили, уроды, – досадливо поморщился мастер теней. – Ничего, ребята уже ученые, сейчас быстро обезвредят, проверят одежду...

– Твою же в бездну!.. – донесся снизу многоголосый вскрик, а глухой звук, словно от падающего тела, подтвердил, что ничего хорошего там не произошло. Ладинье приподнялся со своего места, но в двери, все еще пребывавшие нараспашку, уже ворвался тот самый парень, что лазил под мою кровать.

– Мастер, они в этот раз прямо в щеку капсулу зашили, бездновы порождения! Кусь – и нету. Оба, разом. Да что ж такое-то!

Под тяжёлым взглядом начальства он перестал причитать, как плакальщица на погосте, сглотнул и попятился в безопасный коридор.

– То есть за мной и правда следили? – уточнила я, наконец совладав с клацающими зубами. Теперь, правда, затряслись уже руки, но их можно спрятать под одеяло. – Мне не показалось. И ты тоже заметил. Потому и оставил меня здесь... Давно так отлавливают приезжих?

– Уже год, – вздохнув, Ладинье ограничился грозным взглядом в адрес оплошавшего сотрудника, и повернулся ко мне. То, что я перешла на фамильярное обращение, он либо не заметил, либо решил, что после пережитого мне можно. – Не всех, только определенного возраста и типажа, обо-его пола. Ты как раз попадаешь под... описание.

– И что с ними потом делают? – хрипло поинтересовалась я. Раз этим делом занимается лично мастер теней, очевидно, что ничего хорошего с приезжими не происходит.

– Некоторых мы находим, – поморщился Ладинье, отводя глаза. – Не всегда живыми. У всех выживших стёрта память, иногда – совсем, иногда – только последние несколько лет. Определить, с какой целью их похищали, мы так и не смогли.

– А меня, значит, использовали как наживку. Мило, – дернула я уголком рта. – А я-то думала: прониклись участью по-паданки, пожалели. Ну и дура! Выйдите, что ли, и коллег за-берите. Все-таки моя спальня. И вообще, с тебя причитается жильё побезопаснее. Если, конечно, вы с отрядом не соби-раетесь сидеть в засаде еще неделю и ждать, когда за мной кто-то еще придёт.

– Трактирщика и его жену уже арестовали, – не глядя на

меня, мастер теней поднялся. По его кивку остальные, изображавшие бурную деятельность сотрудники, потянулись на выход. – Вряд ли он знает что-то важное, его, скорее всего, просто подкупили, но штраф наложат обязательно. А может, и лицензии лишат.

– Кто бы тебя лицензии лишил. За издевательство над людьми, – пробурчала я. Хотелось орать, истерить и топтать ногами, только для последнего нужно было встать и явить миру свою ночнушку-парашют, а первые два варианта... Скажем так, я приберегала их для момента, когда останусь одна. Позориться перед невозмутимым Ладинье еще больше не хотелось. Так и виделось, как он брезгливо кривит рот и произносит свою фирменную фразу:

– А я что говорил...

Только на этот раз проштрафившимися будут не горе-экспериментаторы, а гордая попаданка, оказавшаяся на самом деле не сильной и самодостаточной личностью, а маленькой слабой девочкой, которая хочет в безопасный угол и на ручки.

Кто бы знал, как я устала быть гордой, сильной и самодостаточной. Но стоит дать слабину и показать уязвимое нутро – и тебя сбрасывают с колен, как нагадившую неожиданно кошку.

Ладинье помялся на пороге, поглядывая то на меня, то на суетящихся на лестнице сотрудников.

– Собирай вещи. Поедешь со мной. У тебя десять минут,

чтобы одеться, – отрывисто бросил он, наконец решившись, и плотно закрыл за собой дверь. Задвижку сломали каким-то образом похитители, так что запереть не получилось бы при всем желании.

С минуту я растерянно моргала, глядя в противоположную стену.

Куда это «со мной»?

В участок? Или все же к мастеру домой?

Оделась я в рекордные три минуты и еще пять потратила в ванной, плеща себе в лицо противно-тёплой водой. Кто бы знал, как я всегда ненавидела ледяную воду из-под крана, особенно когда летом отключали горячую и приходилось мыться из тазика. А сейчас так хотелось сунуть голову под обжигающе холодную струю и немного прийти в себя! Но делать нечего – время, выделенное мне, истекло.

Прижимая к груди заново сложенный кофр, я неуверенно вышла в коридор. Все свое ношу с собой – это точно про меня. Оставлять свои сокровища здесь я не рискнула. Куда бы меня ни везли, лучше на всякий случай захватить ценное имущество.

Ладинье недовольно поморщился, разглядывая пропыленные джинсы и водолазку, подцепил меня под локоть и потащил за собой вниз по лестнице. Я только и успевала следить за мелькающими ступеньками и переставлять ноги.

Снаружи было столь же многолюдно, как недавно в моем номере. На узкой улице, едва не соприкасаясь бамперами,

плотно стояли три машины самого странного вида. Задние колёса у них почему-то были больше, чем передние, отчего те неуловимо смахивали на инвалидные коляски гигантского размера. Лакированные коробки кабины больше походили на многоместные гробы, потому что окон в них не было. Возница и руль находились снаружи, на козлах, только вот лошадей заменял причудливо крутящий шестеренками двигатель.

В один из таких «гробов» как раз запихивали подвывающего трактирщика. Его жена уже жалостливо всхлипывала внутри.

Трупы, как им и положено, молчали и не возмущались. Особо разглядывать мне их, к счастью, не пришлось. Только мельком успела увидеть накрытые светлой тканью силуэты в недрах другого короба до того, как один из служащих департамента теней захлопнул дверцу машины.

– Я потом подъеду, – махнул рукой своим сотрудникам Ладинье и поволок меня куда-то мимо автомобилей. Протискиваться между лакированным коробом и стеной пришлось боком. Все же старые улочки не предназначены для современного транспорта.

– Мы куда? – все решила спросить я, когда место несостоявшегося преступления осталось позади и мы свернули на бульвар чуть пошире и оживленнее тихого переулка. Мастер теней махнул рукой – и около нас со скрипом тормозов и всхрапыванием двух коняг остановилась открытая пролетка.

– Ко мне. Устрою тебя временно. Временно! – подчеркнул он голосом на всякий случай, а то вдруг я не расслышу с первого раза.

Я закивала головой, как китайская кошка – лапой, и послушно полезла по ступенькам наверх. Что у них тут за ма- ния верхотур? Колёса были ростом, наверное, с меня, и залез- зать пришлось довольно долго. Зажатый под мышкой кофр сноровки не добавлял. Потеряв терпение, Ладинье помог мне весьма своеобразно – подтолкнул под пятую точку. Хо- рошо, что руки были заняты, а то огреб бы по самое некуда. Предлагаешь себя – не берет, да еще и ведёт себя так, будто лягушку случайно поцеловал. Зато лапает совершенно бес- совестно, когда вообще никто ни на что не намекал.

Забившись в угол обитого потёртым плюшем сиденья, я злобно засопела на мастера. Он моего гнева, кажется, не за- метил вовсе, пристально разглядывая улицу позади нас.

До меня с запозданием дошло.

– Думаешь, за мной продолжают следить? – дрогнувшим голосом поинтересовалась я. Ладинье пожал плечами.

– Просто так они точно не отступятся, – буркнул он, бро- сив многозначительный взгляд на кучера. Я досадливо при- кусила губу. Кто знает, может, у злоумышленников целая сеть осведомителей среди перевозчиков?

Вообще, дело должно быть поставлено на поток и кури- роваться откуда-то сверху. Слишком уж все гладко проходит и четко организовано. Одно устранение исполнителей чего

стоит! Сразу на ум приходят камикадзе и мафия.

Бездумно уставившись на неспешно проплывающие мимо дома с укреплениями-шпалами, я представила себе, что могла не послушать интуицию и сесть тогда в удачно оказавшуюся неподалёку от участка повозку... Следили бы за мной так же пристально, как сейчас? Успели бы схватить похитителей или просто покачали бы головой, найдя очередной худощавый длинноногий труп где-нибудь в канаве, продолжая дальше не спеша заниматься расследованием?

Год!

Уже год у них в городе пропадают люди, а они даже не знают до сих пор причину, по которой тех похищают!

Головой я понимала, что мастер теней не за красивые глаза занимает свою должность. То есть они у него, конечно, красивые, да и цвет редкий, холодные только очень. Но наверняка к ним прилагается еще и ум. Аналитический... Ну хоть какой-нибудь. И если он до сих пор не нашёл того, кто за этим стоит, значит, преступник отлично замаскировался и не делает ошибок.

Пока что.

Только вот в груди все стянуло спазмом от неприятного предчувствия. И на этот раз я даже не могла понять, на что оно направлено. На пролетку, в которой мы сидели, на таинственных похитителей или на мужчину напротив меня?

К моему искреннему удивлению, до дома Ладинье мы добрались без приключений. Кажется, за нами даже не следи-

ли – по крайней мере, я никого подозрительного не заметила. Ехать было недалеко, думаю, в хорошем настроении и состоянии я бы и пешком запросто дошла, но уж точно не сейчас.

Резиденция мастера ничем особо не отличалась от подобных особняков, ровными рядами выстроившихся вдоль улицы вплотную друг к другу. Ассоциации с Европой у меня возникли неспроста: именно там я видела застройку без переулков, стена к стене, так что можно, наверное, при желании перестукиваться с соседями. И это в престижном, явно дорогом районе! Здание было довольно высоким, этажа в четыре, и, кажется, это тоже служило показателем зажиточности, потому что в той части города, где стояла таверна, все дома были одно- и двухэтажными максимум.

Металлические полосы креплений частой решеткой облепляли фасад, нередко соединяя одну постройку с другой для надежности. Цвет зданий я затруднялась определить из-за вездесущего пепла, ровным слоем покрывавшего все от окон до крыльца. Когда я поднялась с сиденья пролетки, на нем остался четкий отпечаток. Как, очевидно, и на моих джинсах. Впрочем, вряд ли что-то еще могло испортить настроение после того, как меня чуть не похитили с неясной целью. Уж точно не испачканная одежда. Право, такая мелочь!

– Подожди здесь, – бросил кучеру Ладинье, легко спрыгивая, минуя ступеньки, прямо на мостовую и подавая мне руку. Секундой позже он опомнился, явственно проклиная

вбитые с детства рефлексy, но не убирать же предложенное. Я не стала его долго мучить, слезла быстро и достаточно сноровисто. Тут лестница была куда удобнее приснопамятной автомобильной, то есть рассчитана на неповоротливых дам в юбках. Или с кофрами наперевес.

Двери дома при нашем приближении приветливо распахнулись.

– Вы сегодня рано, мастер, – с некоторым удивлением констатировал подтянутый седовласый мужчина преклонного возраста, глядя на которого сразу хотелось сказать: «А вот и дворецкий». – Успешная операция?

С этими словами он перевёл взгляд на меня, и брови его невольно поползли вверх, а глаза распахнулись во всю ширь.

– Она некоторое время поживет здесь, – небрежно бросил Ладинье, подталкивая меня вперед. Я ощутила себя щечочком на передержке. Выражение лица, с которым меня разглядывал дворецкий, явно говорило о том, что тот сомневается в моем умении гадить строго в положенных местах. – Парсон, покажи мисс Поповой гостевые комнаты.

– Синие или бежевые? – уточнил невозмутимый слуга, отступая от двери и пропуская меня внутрь. Было очевидно, что слово хозяина дома – закон, и он намерен его исполнять, чего бы это ему ни стоило.

– Бежевые, – помедлив секунду, выбрал мастер теней, и кивнул мне: – Устраивайся и ничего не бойся, у меня на доме стоит надежная защита. В его стенах ты в безопасности.

Он сбежал по ступенькам к терпеливо ожидавшей его пролетке, Парсон закрыл дверь, отсекая меня от улицы, а в голову с запозданием закралась мысль: а не погорячилась ли я, напрашиваясь в гости к мастеру теней? Я ведь совсем ничего о нем не знаю. На волне потерянности и ошарашенности неожиданными жизненными переменами я искала, к кому прибиться, и уцепилась за первого попавшегося человека, производившего приятное впечатление. Но Чикатило, к примеру, тоже был образцовым семьянином... Да и размышления мои об аристократии не потеряли актуальности, а Ладинье ее явный чистопородный представитель. Засада...

Намёк, брошенный мастером теней, был прозрачен до крайности. Стоит мне покинуть гостеприимные стены его дома – и я могу рассчитывать только на себя. И вряд ли протяну долго.

Что ж, надеюсь, меня хотя бы не запрут. А так в любом случае бежать мне некуда. Придется положиться на судьбу и интуицию, которая меня еще ни разу не подводила.

Парсон, не замечая моего испуга, двинулся вглубь дома, по пути указывая мне разные полезные направления с грацией опытного экскурсовода.

– Дальше по коридору столовая и кухня. Завтрак подадут через два часа, если хозяин будет дома. Если нет, кухарка вам поможет в любое время, – он покосился на меня через плечо, и я покорно кивнула, осознавая свое место за плинтусом. Пока Ладинье дома нет, пропитание добывай сама. На-

деюсь, хоть готовить не придется: я в этом, признаться, не сильна. Пока была жива мама, готовила она, после мы с отцом перебивались готовой едой из магазина или ближайших ресторанов, благо с финансами у него проблем в последние годы не было. А потом у него появилась его фифа, но это уже совершенно другая история... Я потрясла головой, выныривая из неуместных воспоминаний.

Широкая каменная лестница с деревянными перилами, по которой мы поднимались, была прикрыта тонким ковром, и на нем после меня оставались отчетливые следы и дорожка насыпавшегося с одежды пепла. Дворецкий проследил за моим растерянным взглядом и несколько смягчился.

– Малви все уберёт. Кстати, после пришлю ее к вам, если вдруг понадобятся услуги горничной. Ваш багаж подвезут позже?

Я тяжело вздохнула.

– Боюсь, мистер Парсон, багажа не будет. У меня есть только то, что на мне.

Восхищение хозяйским благородством, подобравшим убогую, боролось в слуге с брезгливостью. С переменным успехом. К чести его, он промолчал, зато весьма красноречиво.

Даже не знаю, стоит ли упоминать, что трактирщица обещала мне раздобыть платье соседки и водку? Или не добывать бедолагу?

Глава 6

Не знаю уж, почему Ладинье предпочёл поселить меня именно в бежевых покоях, но меня лично все устроило. Комната была размером раза в три больше той, что в мотеле-трактире, кровать – в два, а кропотливой работы подушки и подушечки, устилавшие изголовье ровным слоем, я даже считать не пыталась. Все равно собьюсь. Кажется, кто-то из домочадцев или прислуги увлекается кружевом.

Объёмный платяной шкаф, формой напоминавший виолончель без палки, такой же пузатый секретер с двумя рядами ящичков и подходящей по стилю табуреткой с мягким квадратом обивки. У окна стояло огромное ростовое зеркало, которое можно было вращать по вертикали внутри рамы, разглядывая себя в разных ракурсах. Резная дверь вела в ванную комнату с – наконец-то! – настоящей ванной. Довольно компактной, правда: поплавать в ней вряд ли удастся, даже вдвоем не развернуться, но мне одной – в самый раз.

Бунтующее воображение почему-то сразу поместило внутрь густую россыпь пены и Ладинье. Даже интересно, плечи у него бледные, в отличие от лица? Или все же местные иногда принимают солнечные ванны?

Поспешно отогнав видение мастера теней в плавках, а то и без оных, я повернулась к дворецкому, покорно ожидавшему моей реакции.

– Благодарю вас, комната прекрасна, – не покривила я душой. – Завтракать я, наверное, буду здесь же. Вряд ли мастер Ладинье освободится через два часа.

Если честно, особо голодной я не была. Страх и волнение отбили аппетит напрочь. Однако позицию свою стоило обозначить сразу. Есть только тогда, когда дома хозяин, я не собираюсь. Судя по всему, он достаточно редко тут бывает.

Дворецкий невозмутимо кивнул, принимая мою заявку, а я незаметно выдохнула. Воевать с прислугой, признаться, сил у меня не было. Наверное, вздумай он артачиться и указывать в открытую мое место, я бы устроила примитивную и безобразную истерику. Слишком уж многое на меня навалилось разом, начиная с переноса в другой мир ни с того ни с сего и заканчивая попыткой похищения.

Поблагодарив Парсона кивком головы, я плотно закрыла за ним дверь, отметив про себя, что задвижка конструкцией не предусмотрена, и внимательно оглядела комнату. Передвинуть шкаф или секретер я вряд ли смогу – очень уж массивные. От табуретки толку будет немного. Около кровати тумбочек не было вообще, только полочки, приделанные к стене. Удобно и практично, но не в моем случае.

Окно, к счастью, можно было закрыть на задвижку, к тому же, изнутри и снаружи к нему прилагались ставни. Я заперла все.

В двери ванной щеколда была. Закрыв ее, я привалилась к двери для надежности и стекла по ней вниз, прямо на мо-

лочно-белый мрамор с золотистыми и серыми прожилками, прижимая к себе кофр, как любимое дитя или спасательный круг. Взгляд бездумно скользил по извилистым линиям на полу, и только когда горячая капля скользнула по моей щеке, я поняла, что плачу. Истерика была тихой, но так и норовила перейти в паническую атаку. Основная мысль, что билась в моей голове, была: почему я? За что? По какой причине этот дурацкий эксперимент зацепил в параллельном мире именно меня?

Может, потому что я в своем особо никому и не нужна?

Мамы уже несколько лет как нет. Отец заново женат, они ждут пополнение в семействе. У него жизнь только начинается, ему не до напоминания о прошлом браке в моем лице. Подруг я таких, чтобы горевали или даже просто заметили мое отсутствие, так и не завела за всю жизнь. Так что страдать о моей пропаже некому.

Хорошо, если вообще заявят о ней. А не решат, что я уехала, например, за границу, никому не сказав.

Здесь обо мне и подавно никто не позаботится. Мастер, возможно, испытывает временные угрызения совести, но надолго его не хватит. Незамужняя дама, проживающая в его доме... Вряд ли ему нужны подобные пересуды. Помнится, даже если аристократы заводили явных любовниц, те жили отдельно, ибо фамильный особняк только для семьи.

Я исходила из наших исторических реалий, поскольку данных о местных у меня практически не было. Возможно,

мне повезет, и женщинам можно проживать с мужчинами в грехе в открытую. Дальше что? Чем я могу так заинтересовать мастера теней, чтобы он оставил меня у себя на постоянной основе? Да ничем. Иномирная дылда, которая на местном даже читать не умеет. Я всхлипнула еще отчаяннее, вспомнив брезгливое выражение лица Ладинье, когда он спихивал меня с колен. Конечно, он небось решил, что я падшая женщина и предлагаю себя всем подряд.

А что я еще могу предложить в данный момент? У меня и нет ничего больше, только я сама. Ни знаний об этом мире, ни полезных умений, ни знакомств.

И потом, если бы Ладинье у меня вызывал омерзение, я бы в жизни к нему и близко не подошла. Мастер... привлекал. Отчасти своей загадочностью, отчасти аурой властности и холода, которую распространял вокруг себя.

Скажите мне, какая женщина в здравом уме не клюнет на власть и силу? Да испокон веков этот набор был самым надежным афродизиакром для прекрасных дам. И я не исключение. Тем более, что применял он свое влияние умеренно, в беде помогал, пусть и в своих интересах, но ценен сам факт.

Жалость к себе накрыла меня с новой силой. Я принялась раскачиваться, обнимая кофр, тихонько подвывая и стремительно впадая все глубже в депрессию. Мне казалось, я прошла уже все стадии паники в машине по дороге в город, но то была лишь прелюдия. Только сейчас, когда местные спецслужбы не задумываясь использовали меня как наживку для

ловли преступников, до меня дошла вся плачевность моего положения. Здесь я даже меньше, чем никто. Ни знакомых, ни семьи, ни профессии. Ни-че-го.

Обиднее всего, что и в этом мире всем на меня плевать. Даже мастер теней приютил меня из сострадания и чувства вины, а не потому, что я запала ему в душу.

Робкий стук в дверь я едва расслышала, упиваясь собственным горем.

– Мисс, с вами все в порядке? Мисс?.. – тихий девичий голосок был полон тревоги и взывал ко мне, кажется, уже не первую минуту. Я всхлипнула еще раз, вытерла глаза и шмыгнула носом.

– Да, все хорошо, – голос звучал предательски гнусаво, выдавая мое состояние тем, кто не слышал предшествующей истерики, но за дверью и тому обрадовались.

– Меня зовут Малви, мисс, я буду вам прислуживать, если вы позволите. Хотите, я наберу вам ванну? Я принесла вам одежду, помоемся, переоденемся – глядишь, и полегче станет? Мне всегда в чистоте лучше становится. Откроете дверь, я воду включу?

Щебет девушки за дверью немного привёл меня в чувство.

И правда, что я расклеилась-то? Жива, здорова и пока в безопасности. Мастер под крыло взял. Раз уж начал помогать, вряд ли просто выбросит на улицу и в дальнейшем. Он из аристократов, наверняка у него есть знакомые тетушки, у которых нет сластолюбивых племянников. И пусть он равно-

душен к моим прелестям, ему же хуже. Пойду в компаньонки.

Художники во все времена жили нестабильно. То есть заказы, то их нет, стиль работы то был востребован, то считался авангардом и кичем. Так что в этом направлении я буду думать в последнюю очередь.

Шмыгнув еще раз, я поставила кофр на пол. Выпускать его из рук было тяжело. Все время терзало ощущение, что вот-вот придется куда-то снова бежать, спасая свою жизнь, и бросить свое сокровище на верную погибель, но я стиснула зубы и все же оставила чемоданчик лежать в углу.

Тоже мне, кольцо всевластия. Что-то у меня к нему развивается нездоровое пристрастие. Надо работать над собой.

Сделав пару глубоких вдохов, чтобы унять спазматические всхлипы, я решительно отодвинула щеколду.

Девушка за дверью была первой особой женского пола, которую я увидела в этом мире без вуали. Ничего особенно экзотического: большие глаза, бледная кожа, светлые брови и ресницы под стать волосам, плотно собранным в низкий пучок на затылке. Платье темно-серое, лаконичного прямого покроя, до щиколотки. Снизу, кажется, еще несколько юбок, потому что из-под подола торчит более светлое кружево. Ботинки простые, но удобные, с замысловатой металлической пряжкой, в волосах кокетливые заколки – в общем, вид скромный, но все чистое и достаточно новое, без заплат. Значит, прислуге неплохо платят.

Хотя бы в этом доме. Кто знает, как там в других?

Малви радостно улыбнулась мне, делая вид, что не замечает распухшей зареванной физиономии, и проскользнула мимо, к ванне. Покрутила вентили, включая воду, перебрала многочисленные флакончики на бортике, насыпала из одного из них щедрую пригоршню крупинок. По помещению поплыл сладковатый цветочный аромат.

У меня внезапно зачесалось разом везде. Захотелось срочно раздеться и залезть в горячую ванну. Несмотря на то, что мылась я буквально несколько часов назад, чудилось, будто кожа опять скрипела от грязи. И налипший на меня пепел был в этом повинен лишь отчасти. Гораздо в большей степени повлияло несостоявшееся похищение. Пусть меня никто не тронул и пальцем, но чувство было, что облапали всю. А потоптавшиеся в спальне стражи правопорядка еще и добавили.

Не говоря уже о брезгливости во взгляде мастера теней. Ух, аж зло берет до сих пор, как вспомню его выражение лица, когда он меня с колен спихивал. За легкомысленную женщину посчитал, что ли? Вообще-то, я абы кому не предлагаюсь. Только если он мне нравится. А тут все так удачно совпало, и мужчина в моем вкусе – даже выше меня, ух ты! – и при власти, и при деньгах... эх.

Ему же хуже.

Служанка вышла из ванной, тактично позволяя мне раздеться самой. Норовила, правда, помочь, но быстро отступи-

ла, видя нетрадиционность моей одежды.

Я разделась и задумчиво уставилась на упруго бьющую в эмалированное дно струю, от которой поднимался пар. Прозрачная, густо пахнувшая сероводородом и металлом, несмотря на благоухающие соли, жидкость набиралась довольно быстро, завихряясь водоворотами. Хороший напор, достаточно чистая, но можно ли такое пить? И не появятся ли у меня через пару месяцев камни в почках?

Как тут вообще дела обстоят с лечением? То, что канализация на уровне, радует, не скрою. Бегать во двор не хотелось бы. А остальное? На что я могу рассчитывать в этом мире? Куда податься?

Тяжело вздохнув, я переступила бортик и медленно погрузилась в пахучую воду. От интенсивности ароматов закружилась голова. Долго я так не пролежу – надо побыстрее мыться и выходить.

Малви вернулась, неся на вытянутых руках сложенную аккуратно квадратами одежду. В таком формате и не разглядишь, что именно она притащила.

Сгрузив ношу на длинную скамью у стены, она уверенно взялась за мой пучок на макушке и застыла.

– Мисс, а как оно распускается? Я не вижу шпилек, – растерянно пробормотала она. Я подцепила пружинку-резинку в тон волос и стянула ее одним движением, вызвав у Малви восхищенный вздох. Она приняла ее у меня благоговейно, в сложенные горсточкой руки, и очень осторожно положила

на полочку над умывальником. Такой экзотики она, похоже, не видела.

Если у местных есть пластик, можно было бы наладить изготовление.

Отметив мысленно еще один пункт в список будущих методов выживания, я откинулась на бортик ванной, позволяя умелым пальцам перебирать и массировать мои волосы, втирая какую-то пахнущую водорослями гущу. Если глаза закрыть, можно представить, что ты в дорогом спа.

Наслаждайся, Ада, пока не отправили в ад.

Смывалась лечебная грязь неплохо, правда, шланга почему-то к душе не прилагалось. Как и занавески. Так что после того, как я насладилась мытьем, Малви пришлось ползать по мраморному полу на карачках, подтирая лужи.

Еще одна пометка в список.

Пока девушка убирала следы моего сибаритства, я вышла в комнату и остолбенела.

– Это что? – уточнила я, сунув голову обратно в ванную, хотя и так знала ответ.

Все же надеялась, что меня занесло в мир, где без этих пыточных инструментов женщины как-то обходились.

– Это кринолин, мисс. И корсет. И юбки. И платье, разумеется, – сдув упавшую на лицо прядь, дотошно пояснила мне Малви. – Обувь пока что только тряпичная, домашняя, уличная вам не подойдёт: у сестры хозяина маленькая нога.

Точнее, у меня большая, фыркнула я, предпочитая назы-

вать вещи своими именами. На фоне местных дюймовочек я чувствовала себя большеногим монстром и вообще Гулливером.

Так что ничего удивительного в том, что платье сестры хозяина, хоть и село на меня более-менее в верхней части, снизу доставало только до колена. Ну, чуть ниже, как завещала Шанель. Только вот в сочетании с кринолином выглядело оно, мягко говоря, так себе. Больше всего я была в зеркале похожа на куклу или девочку с открытки – из тех, у кого еще кружевные панталончики снизу торчат.

У меня, правда, ничего не торчало. Панталоны, по счастью, заканчивались над коленом. Выглядели они довольно странно, на мой вкус... К тому же не закрывали то, что, по идее, должны были, застегиваясь на несколько пуговиц сзади и оставляя шаговый шов открытым. Просто две штанины, соединённых поясом.

Кажется, нормальные трусы мне все же изобретать придется.

Применив немного логики и пространственного мышления, мы с Малви решили проблему длины юбок, просто сняв кринолин. Она, конечно, причитала, что так нельзя, немодно и не положено, хоть мы и дома – приличия прежде всего, но я была непреклонна. Выглядеть как несовершеннолетняя, по мне, еще немоднее. Тем более, когда ты гренадерского роста.

Последнее, чего мне хотелось, это насмешить мастера тенеи. А он, как оказалось, закончил все же со своими делами

и успел к завтраку, куда теперь ждали и меня. Об этом сообщил недовольным голосом дворецкий, постучав в дверь.

Бросив на себя последний взгляд в зеркало, я отметила, что так стало гораздо лучше. Платье теперь закрывало ноги почти до щиколотки – по словам Малви, еще высокогато, на грани, но терпимо. На талии оно некрасиво топорщилось, но мне в нем не на приём к королеве идти. Зато изысканный темно-синий цвет удачно оттенял мои рыжеватые волосы, которые после целебной грязи не пушились и лежали красивыми локонами.

Так что, спускаясь по лестнице вслед за чопорно насупленным дворецким, я себя чувствовала практически принцессой. Если бы еще не юбки, которые я держала в охапке перед собой, чтобы не наступить на них и не полететь кубарем, вообще была бы королева.

Завтрак накрыли, по словам Парсона, в малом зале. Зал, вообще-то, был большой, но хотя бы не придется перекиркиваться, чтобы поговорить. Стол приютил бы максимум человек восемь – нормальный такой ресторанный формат.

Ладинье при виде меня привстал с места и любезно указал на соседний стул. Дворецкий, скрипнув то ли зубами, то ли ножками по полу, отодвинул его, чтобы мне было удобнее примостить все юбки. Я в очередной раз порадовалась, что хватило ума снять кринолин. Как прикажете садиться в такой конструкции, я вас спрашиваю?

Еду нам выставили целыми блюдами, как на хорошем

шведском столе. Себе в тарелку я деловито положила все сама, не обращая внимания на приподнятые брови мастера тени. То ли ему полагалось за мной ухаживать, то ли он поражался моему аппетиту. В любом случае его мнение меня волновало мало. Голод проснулся зверский.

Яйца, представленные как в вареном, так и омлетном виде, были свежайшими, огурцы приятно похрустывали, ветчина таяла на языке. Еще тёплый хлеб – судя по цвету, правильный и полезный, из цельных злаков – источал упоительный сладковатый аромат.

Дождавшись моего насыщения, Ладинье лично подлил мне кофе в чашку и положил на тарелку одну из булочек с начинкой. Запомнил, что мне в прошлый раз понравилось.

– Ну, стреляйте уже, – выпив бодрящего напитка, я мысленно приготовилась к худшему. Не будет же он за мной так ухаживать просто так. Значит, мастеру тени от меня что-то нужно.

И я, кажется, догадываюсь, что именно.

Глава 7

– Вы производите впечатление разумной особы, – по-льстил мне для начала Ладинье. Я благосклонно улыбнулась, отпив еще кофе. Энергетическая подпитка не мешает: кажется, разговор предстоит не из лёгких. – Признаюсь, ваше недавнее предложение застало меня врасплох, и я отреагировал несколько...

– Давайте пропустим ваши извинения и рассказ о том, как вы сильно сожалеете, что использовали меня для ловли на живца без моего ведома, и перейдём к делу, – резко перебила его я. Желания выслушивать еще полчаса вымученные хвалебные речи не было никакого, наоборот, с каждым словом мастера настроение падало все ниже. Ему от меня явно что-то нужно, и ради этого он готов даже льстить противной ему девице. – Что вы от меня хотите?

Ладинье недовольно поджал губы, высказывая этим жестом все, что думает о неотесанных иномирянках, которые даже побеседовать не способны по-человечески.

– Я хотел предложить вам работу. Прежде чем вы откажетесь, выслушайте, пожалуйста, – поспешил он добавить, видя, как открывается мой рот. Я его послушно закрыла, несмотря на то, что собиралась вовсе даже согласиться. – Работа опасная... Возможно, смертельно опасная.

Кто бы сомневался. Только загвоздка в том, что мое появ-

ление в этом мире уже поставило меня в смертельно опасное положение. Так что лучше уж нырять в пропасть осознанно, с петлей спасительного шнура на поясе, чем вслепую и без поддержки.

– Я уже говорил, что мы около года пытаемся найти организатора похищений, – продолжал тем временем мастер. – К сожалению, их сеть настолько хорошо отлажена, что приезжие зачастую даже не попадают в нашу базу – их отлавливают еще на подходе к столице. Есть много вариантов, но не буду сейчас морочить вам голову.

Не забивайте хорошенькую головку ерундой, перефразировала я на любимый манер шовинистов.

– Ну почему же, мне бы хотелось знать поподробнее, во что я ввязываюсь, – любезно улыбнулась я. – Да, я согласна оказать вам услугу, став наживкой для крупной рыбы. Но мне нужна соответствующего объёма мотивация.

Ладинье несколько секунд хлопал глазами, мысленно проматывая мою отрепетированную речь. Не ожидал, наверное, что я так быстро соглашусь. Собирался убеждать, приводить доводы и соблазнять.

Ну, теперь-то поторгуюсь.

Из ума я еще не выжила. Если бы была возможность увильнуть от подобной чести, превращения в живца, я бы извернулась наизнанку, но отказалась. Увы, я прекрасно понимала, что деваться мне некуда. Допустим, я откажусь. В доме меня, бесполезную, держать никто не будет. На улице

я – что? Правильно, тут же окажусь где-нибудь в темном переулке и стану той же наживкой, только уже без бонусов.

Зато теперь у меня есть преимущество.

Я сделала мастеру одолжение, согласившись, и буду диктовать свои условия дальнейшего вознаграждения.

– И что же вы хотите? – с искренним интересом поинтересовался Ладинье.

– Свой дом в городе. В благополучном, но не слишком дорогом районе, – я принялась для наглядности загибать пальцы. – Определенную сумму на его содержание, учитывая, скажем, двоих человек прислуги, на год вперед. Я не разбираюсь пока еще в ваших ценовых порядках, надеюсь на вашу честность.

– Разумеется, – мастер наблюдал за моими пальцами с нескрываемым интересом и одобрением. Возможно, я сейчас продешевила, но сидеть на шее у мужчины, которого не интересую, я не собиралась. Он может в любой момент завести себе настоящую любовницу или жениться, а я что делать буду? Нужна независимость.

– Какое дело может себе позволить открыть женщина? – уточнила я на всякий случай. Догадываюсь, что список невелик, поэтому заготовила запасной вариант.

– Дело? – удивлённо склонил голову набок Ладинье. – Женщинам не место в бизнесе. Вы можете наняться в компаньонки или служанки к какой-нибудь леди. Если умеете шить или еще какое рукоделие, я вас порекомендую в

ателье. Точнее, попрошу сестру.

– Ясно, – я прикусила губу. – Тогда я хотела бы познакомиться с вашими друзьями и приятелями. Лучше – побога-че. Еще лучше, если они будут владельцами какого-нибудь предприятия.

– Собираетесь предлагать себя уже им? – скривился Ладинье. Я загадочно улыбнулась.

Вообще-то я собиралась пристроиться к ним в бизнес, но зачем упускать возможность подергать кота за усы?

Задумчиво обзрев три загнутых пальца, я перевела взгляд на мастера. Продумать стратегию заранее я не успела, занятая истерикой и проблемами гардероба, и теперь судорожно соображала, что бы еще у него попросить.

– Да, а в чем будет состоять мое задание? Помимо того, что я официально стану живцом. Придется ходить ночью по темным переулкам? – спохватилась я.

Ладинье усмехнулся настолько злорадно, что мне стало не по себе.

– Вы будете изображать мою содержанку, – пропел он довольно. – Дом, кстати, входит в пакет предоставляемых услуг. Так что можете думать еще сутки, список составьте, если, конечно, писать умеете.

– Умею, – буркнула я. Ну вот, считала себя предусмотрительной и получила... Получила, в общем. Хорошо, мастер попался незлопамятный, разрешает подумать. – Только не на вашем языке. Так что пакет услуг постараюсь запомнить так.

Что еще будет входить в перечень?

– Кроме дома? Расходы на гардероб, слуг, содержание небольшой конюшни. Головы три, не больше, – предостерегающе уточнил мастер. Я закивала, опасаясь ляпнуть еще какую-нибудь глупость. Лошадей я побаивалась, так что лучше уж найду тех экспериментаторов, попрошу у них машину. – Обязательно будете сопровождать меня в свет, соответственно, вам понадобятся платья на выход и драгоценности.

– Это обязательно? – пролепетала я, придавленная открывающимися перспективами. Ладинье иронично приподнял одну бровь.

– Вы же так рвались ко мне в содержанки. Передумали? – хмыкнул он. Я покачала головой.

– Зачем такие сложности? Вы же хотите поймать тех похитителей. Поселите меня отдельно, они тут же прибегут.

– Я хочу выйти на главного, – уточнил мастер. – Мелкие сошки нам ни к чему. Признаться, уже несколько раз мы пытались устроить нечто подобное, но...

Ладинье помолчал с мрачным выражением лица. Догадаться, что затея не удалась, было несложно.

– Я не могу доверять своим сотрудникам, – наконец признался он. – Проколы случались досадные, и вроде бы никто виноват не был, более того, даже профессиональные целители не смогли распознать ни в ком лжи. Так что надежнее будет, если для всех вы станете моей... любовницей.

Мастер стыдливо запнулся на последнем слове, очевидно

стесняясь предлагать подобное женщине. Мне же было почему-то обидно. Вроде все к лучшему: и приставать не будут, и защиту обеспечат на высшем уровне, но чисто женский павлин самолюбия норовил клюнуть меня в необозначаемые места. Не тянешь, мол, на настоящую. Только фиктивную, понарошку.

– И вы думаете, что мелкие сошки ко мне под вашей охраной не полезут? – с нескрываемым скептицизмом уточнила я.

Мастер пожал плечами.

– Даже если попробуют, поверьте мне, я сумею вас защитить. Как, впрочем, и от более крупной рыбы. Надеюсь, на вас она клюнет.

Сомнения в его голосе было хоть отбавляй, и я даже оскорбилась.

Еще сильнее.

Мало того, что сам равнодушен к моим прелестям, так еще и считает, что другие на меня не позарятся? Пусть даже в преступных целях! Мне прямо захотелось на мгновение, чтобы меня опять попытались похитить, просто чтобы доказать мастеру, что я на самом деле ого-го и нарасхват. Правда, тут же опомнилась. Чур меня, лучше пусть я никому напроць не нужна буду. Целее останусь.

– Лишних людей в дом пускать я не буду, – продолжал тем временем Ладинье. – Чтению и письму вас научит Парсон. У него почерк лучше, чем у меня.

Дворецкий где-то за дверью зала закашлялся, выдавая себя. Кажется, он не в восторге от предстоящей миссии.

Как и я, впрочем. Занимайте очередь.

А что делать?

– Танцы... с этим сложнее. Основные правила этикета вам объяснит моя экономка, она раньше была няней моей сестры, так что в курсе большинства тонкостей, – продолжил инструктаж мастер теней. Он увлёкся и вел себя так, будто я одна из его подчиненных, причём особо нерадивая. – Портниха приедет завтра, с помощницами, ювелиром и сапожником. Они обслуживают наш род уже много лет, проверены вдоль и поперёк, но на всякий случай я останусь дома и прослежу.

Я вытаращилась на Ладинье.

Ничего себе преданность делу – он готов поучаствовать в женском шоппинге!

Мастер не шутил. После завтрака он убежал обратно на работу, ссылаясь на необходимость проследить за допросом трактирщика и узнать результаты вскрытия тел нападавших. Услышав про последнее, я не удержала облегченной улыбки, чем очень удивила Ладинье.

Объяснялось мое счастье просто: раз умерших вскрывают, значит, медицина хотя бы развивается. Уже радуется.

До обеда я пыталась Парсона занятиями каллиграфией. Дворецкий был ожидаемо не в восторге от свалившейся на него задачи, но, к чести его, отлынивать и не подумал. С

непроницаемым выражением лица проводил меня в библиотеку, поскольку кабинет на все здание только один, принадлежит хозяину и потому неприкосновенен. Впрочем, в библиотеке тоже имелись столы и писчие принадлежности, а еще много-много книг. У меня аж глаза разбежались. Расставлены они были не только скрупулезно по алфавиту, но и секциями по веку издания. Так что огромные фолианты в кожаных и металлических переплетах, дорогие даже на вид, стояли отдельно, под стеклом в шкафах вдоль стен, создавая дополнительный антураж. Интересны они были бы разве что антикварам, но Парсон на всякий случай внимательно следил, чтобы я не совалась к древностям.

Пф, больно надо!

Куда сильнее меня интересовали современные издания на хорошей, светлой и прочной бумаге, желательно на тему женских прав и свобод.

Мне была выдана тетрадка, в которой на каждой странице дворецкий вывел по букве, заглавной и строчной, и велел тренироваться. Ручка была перьевой, – я такой в свое время рисовала – так что проблем с инструментом не было. Загогулины ложились плавно и ровно – Парсон даже изволил несколько раз, забывшись, одобрительно кивнуть, впрочем, быстро опомнился и снова поджал рот куриной гузкой. Каждую букву на новой странице он мне озвучивал, и я послушно их бубнила, заполняя листы. Получилась своего рода медитация, и к концу пятой страницы я начала клевать

носом. Все же ночь моя прошла достаточно бурно, а сейчас организм поверил наконец, что его не будут прямо вот сию минуту похищать, и расслабился, требуя отдыха.

Парсон на каждый мой зевок красноречиво закатывал глаза и ворчал что-то о воспитании и манерах, которыми, по счастью, заниматься предстоит не ему. Наконец, когда я чуть не приложила лбом об стол, он сдался и лично отконвоировал меня в комнату, сдав на руки Малви. Та помогла мне раздеться, я упала на кровать и моментально провалилась в глубокий сон без сновидений.

Кажется, меня пытались разбудить: сначала – на обед, потом – на ужин. И, кажется, я их посылала, да так, что бедняжка Малви начинала заикаться. Не помню толком.

Проснулась я свежей, отдохнувшей, полной сил и желания навалить моим похитителям лично. Точнее, заказчикам похищения, раз уж исполнители уже того. Даже упаковка в плотный корсет не ухудшила моего настроения, потому что я уже придумала, как от него избавиться.

Завтракала я в гордом одиночестве, косясь на застывшего статуей дворецкого у дверей и бегающую с подносами Малви. Очень хотелось позвать и их за стол – неудобно как-то есть, когда на тебя смотрят, но глаза у них были вроде не голодные, а представив лицо Парсона, если осмелюсь предложить подобное святотатство, сразу передумала.

Мастер пришел, когда я уже расправилась с кофе и готовилась морально снова медитировать. Те пять букв, как ни

странно, прочно осели в моей голове, и мне не терпелось освоить оставшийся алфавит. Отказавшись от завтрака, к неодобрению дворецкого, Ладинье проводил меня в очередной зал. Совершенно лишенный мебели, не считая колонн и зеркальных стен, он идеально подходил для бала.

Или примерки.

В ворохе разноцветных тканей и фурнитуры суетилось человек двадцать, как мне показалось с перепугу. Позже выяснилось, что их было всего пятеро: обещанная модистка, две ее помощницы, ювелир и сапожник, причём последних не было ни видно, ни слышно. Они скромно стояли у стены и ждали, когда очередь дойдёт и до них.

Столбы все же принесли из соседнего обеденного зала, иначе ткани и драгоценности пришлось бы раскладывать прямо на полу. Вот что значит мужчина занялся подготовкой! Что он вообще понимает в примерках? Хотя, его задачей была безопасность – он ее обеспечивал качественно. Устроился с бумагами в углу, за одним из столов, и поглядывал одним глазом на присутствующих в свой монокль. Что он там такое видел, не знаю, но после каждого сеанса осмотра Ладинье удовлетворенно кивал и возвращался к изучению документов.

На то, что именно я выбираю, внимания мастер не обращал. Я же отрывалась вовсю. Долой корсеты и кринолины! Бой панталонам с открытой промежностью! Я содержанка или где? Значит, и форма одежды у меня должна соот-

ветствовать. Служанки же ходят без кринолинов как-то. И без корсетов, само собой. Как они в этих пыточных орудиях пыль-то протирать и барышень причесывать будут?

Значит, и мне можно.

Глава 8

За основу гардероба я решила взять смесь ампира и золотых двадцатых – два варианта кроя, наиболее лояльных к моей мальчишеской высокой фигуре. Еще лучше было бы, наверное, восьмидесятые, но завышенную линию бедра на купальнике здесь точно пока еще не поймут. А вот рукава фонариком смотрелись вполне актуально, только к ним не узкий лиф и пышная жесткая юбка нужны, а легкие, летящие ткани, собирающиеся в воланы, кружево и длинные нити бисера. В свое время я немало поработала гримером на танцевальных конкурсах и насмотрелась на специфические бальные платья с пышными юбками безо всяких там кринолинов. Главное – побольше ткани и вставки, вставки. Особенно эффектно смотрелись в крое треугольники дополнительного цвета. При шаге они приоткрывались в складках, притягивая взгляд к платью. Подобные спецэффекты я оставила на вечер – меня же будут водить в свет именно за этим: привлечь внимание. Вот и постараюсь.

Для повседневной носки я заказала несколько комплектов из юбок, блузок и жакетов. Рюши и воланы в стратегических местах прикрывали отсутствие корсета, к тому же, мы обсудили с модисткой варианты боди и прочего нижнего белья. Трикотаж, к моему превеликому облегчению, уже изобрели, правда, пока что он оставался дешевой тканью для просто-

людинов.

Аристократам же хуже. Не понимают они прелести простоты.

С обувщиком договорились еще быстрее. Он оценил отрезки выбранной мною ткани, обмерил ногу и продемонстрировал несколько примеров своей работы. Точнее, вывалил передо мной на пол гору обуви из мешка. Ладинье на грохот и ухом не повёл, из чего я сделала вид, что содержимое он уже успел проверить.

Обувь оказалась красивой, удобной и практичной, из качественной кожи, окрашенной в разнообразные цвета и украшенной пряжками, металлическими детальками и замысловатыми шнуровками. У меня прямо глаза разбежались.

Видя мое замешательство, модистка шепнула на ухо, что даме положено иметь по паре обуви к каждому наряду. Бросив виноватый взгляд на Ладинье, который тот не заметил, поглощённый бумагами, я решительно ткнула пальцем в десяток моделей.

– На первое время, – понимающе кивнул обувщик, отмечая себе на бумажке мой выбор. Я несколько криво улыбнулась. Несмотря на всю браваду, жить за чужой счет я не привыкла. Пусть даже в обмен я рискую собственной жизнью, все равно чувство такое, что остаюсь бесполезной иждивенкой.

Привыкай, Ада. Сама попросилась в содержанки.

С ювелиром мы разбирались дольше всего. Даже Ладинье пришлось отвлечься от документов и принять участие в торге, причём не на моей стороне. Мастер и ювелир в два голоса долго меня убеждали, что появиться в свете без полного гарнитура, который включал бы в себя массивное ожерелье, браслет, серьги и минимум три-четыре кольца, попросту непристойно.

– Тем более любовнице. Подумают еще, что я на вас экономлю. Не наносите урон моей репутации! – видя тщетность уговоров, шепотом рявкнул на меня Ладинье. Ювелир понятливо сделал вид, что ничего не слышал, но уши наострил. Думаю, через пару дней о новой любовнице мастера те-ней будет знать весь город.

Под их слаженным напором я сдалась и выбрала из детально отрисованного каталога два роскошных гарнитура на выход и три комплекта на каждый день, попроще. Кулон с серьгами и браслетом или кольцом. Малые наборы, так сказать.

Творцы откланялись, заверяя, что все будет готово в кратчайшие сроки. Модистка снабдила меня халатом и парой ночнушек парашютного кроя: переждать сутки, пока она с помощницами будет спешно кроить мне домашние платья. Она пыталась и стандартные наряды предложить, но я со всей возможной любезностью отказалась. Одно лишнее криволинейное уродство у меня уже есть, зачем портить остальные? К тому же, при моем росте все ее готовые изделия до-

ходили едва до середины лодыжки.

Ладинье немало удивился тому, как быстро я управилась. Он рассчитывал провозиться со мной до глубокого вечера, а в итоге к обеду уже был свободен и снова убежал в свое теневое ведомство.

Род занятий его я угадала почти верно. Мастер действительно занимал кабинет в местном аналоге полицейского участка, расследуя преступления, на которые у основных хранителей правопорядка не доставало мозгов или способностей, потому что злоумышленников с магическими способностями хватало. Вообще, зачатки дара имелись чуть ли не у всех местных жителей, просто на таком низком уровне, что никакой реальной угрозы те не несли.

В свое таинственное стёклышко Ладинье разглядывал ауры. Мне он милостиво позволил в него глянуть, но сколько ни наводила я монокль на дворецкого и горничную, ничего, кроме них самих, так и не увидела. Посмеивающийся мастер объяснил, что для того, чтобы пользоваться артефактом, надо владеть своим даром, кроме того, дар должен быть соответствующей направленности.

В данном случае – теневой.

Для того, чтобы объяснить мне принцип действия магии, Ладинье не поленился, выделил вечер, когда погода была получше и небо не заслоняли тучи или пепельные вихри, и мы с ним поднялись в небольшую обсерваторию.

Вообще, природные условия местных жителей не балова-

ли. Я-то сидела в четырёх стенах и наблюдала за происходящими катаклизмами как на экране телевизора, а людям по ту сторону стекла приходилось как-то передвигаться, работать и просто жить.

После пылевой бури на Стеркфорт – город, где мы, собственно, находились – обрушился сокрушительный ливень. Дождь, достойный амазонских тропиков, лил более суток, превратив аккуратный сад за окном в болото, зато смыл весь пепел с фасада. Как мне объяснила экономка, миссис Дентре, оно и к лучшему. Во всех смыслах. Город и воздух очистились, а почва обогатилась. Вроде как вулканический пепел очень полезен для растений.

Бывшая няня сестры Ладинье, ныне его экономка, оказалась круглой во всех отношениях, улыбочивой, совсем еще не старой и весьма энергичной женщиной. Неудивительно, что с дворецким они друг друга на дух не переваривали. Наверняка устраивали бы друг другу пакости, как в детском саду, если бы не опасались накликать гнев хозяина дома.

Меня миссис Дентре сразу попросила называть ее по имени. Мол, так она чувствует себя моложе. Отказать в подобной просьбе даме я не смогла. Неилла занималась со мной этикетом и историей. Поначалу меня несколько удивляли наши уроки. Я-то думала, меня будут муштровать с книгой на голове и учить считать вилки от тарелки – или там наоборот? – но занятия с экономкой больше походили на заседание кружка книголюбителей, правда, в урезанном составе:

только я и она. С выражением и в лицах Неилла пересказывала мне сказки и самые известные книги в истории, изучение которых обязательно для образованных людей. Пела народные и популярные в свете песни, к счастью, не заставляя подпевать, поскольку медведь у меня по ушам хорошенько так потоптался. Что я могу сказать? Ожидаемо, аристократические песни оказались довольно сложными и заунывными, фольклор был как-то побойчее и повеселей.

Изредка проверявший мои успехи Ладинье выдавал похвалу, пусть и скупую, но все равно приятно. По его словам, моей задачей было сойти за уроженку этого мира, выросшую в глубинке. То есть досконального знания манер и вилок от меня никто и не требовал, зато сказочную подборку, колыбельные и поговорки я обязана была усвоить в полном объёме.

Бывшая няня оказалась в этом плане идеальным вариантом. Кажется, я на родном языке не знала столько присказок, сколько она.

Во время одного из таких уроков нас и застало землетрясение. Самое настоящее, баллов на шесть... наверное. Я не разбираюсь в оценке сейсмологической активности, но трясло весь дом. Одна из ваз даже упала, но не разбилась, только вода пролилась. Неилла же невозмутимо позвонила в колокольчик, не вставая с дрожащего в припадке дивана.

– Убери, – лаконично указала она явившейся на зов Малви. Та послушно кивнула, присев в книксене, и побежала за

тряпкой. Я проводила ее растерянным взглядом, судорожно вцепившись в подлокотники внезапно взбесившегося кресла.

– Это безопасно? Может, нам лучше выйти на улицу? – уточнила на всякий случай. Я слышала, что новейшие способы постройки выдерживают колебания до девяти баллов, но то у нас. Экономка безмятежно улыбнулась.

– Конечно, безопасно. Дом Дейрона... мастера Ладинье, защищён магически, как и большинство зданий в столице.

Я покивала с умным видом, запомнив на всякий случай имя фиктивного любовника. Надо бы с ним обсудить и перейти все же на «ты». Странно как-то выкать человеку, с которым состоишь в отношениях.

Хотя, помнится, только сто лет назад супруги называли друг друга по имени-отчеству и на «вы».

После того случая меня и заинтересовала магия. Премонстрировать мне ее ни экономка, ни дворецкий, ни Малви не смогли, поскольку своим слабым даром не владели. А Ладинье пообещал не только показать, но и объяснить. Мол, не дело содержанке не знать, чем занимается ее покровитель.

Так мы оказались в темной, едва озаряемой одинокой свежей обсерватории.

Мастер теней поманил меня к телескопу и, как только я уселась на небольшой табуретке, погасил свечу.

Полнейшая мгла оставалась таковой недолго.

В узкую бойницу крыши просачивалось достаточно лун-

ного и звездного света, чтобы пусть и смутно, но различать предметы.

– Как раз сегодня подходящая фаза у всех спутников. Смотрите, – Ладинье кивнул мне на торчавший кверху окуляр – и я послушно прильнула к нему глазом. Выпрямилась, поморгала, потёрла лицо ладонями и снова заглянула в телескоп.

Две луны, бок о бок плывшие по небосводу, никуда не делись.

Конечно, для того, чтобы увидеть их, не обязательно было подниматься в обсерваторию. Просто до сих пор я настолько редко выглядывала в окно по вечерам, что не замечала существование второго спутника.

Первый, достаточно крупный, хоть и бледноватый днем, висел в небе практически постоянно, и я к нему успела как-то привыкнуть. Висит и висит. И сейчас меня как обухом по голове шарахнуло: это тебе не альтернативное прошлое родной Земли, это совершенно другой мир со своими, не понятными пока что правилами. Одно существование магии чего стоит!

– Магия делится на четыре категории: по стихиям и управляющим ими небесным телам, – вещал между тем Ладинье. Хорошо, что он не преподаватель. Рассказывал он куда зануднее бывшей няни, но настолько необычные вещи, что даже так я слушала, открыв рот и затаив дыхание. – Чаще всего встречается магия земли. Она заложена практически

во всех живых существах, даже неразумных. Мастера, владеющие ею, работают с металлами, камнями и прочими порождениями земных недр. Ювелир, приходивший недавно, слабый маг земли. Ему покровительствует Эдан – планета, на которой мы живем.

Я могла только моргать, и то медленно. Привычные понятия вроде планет и спутников настолько причудливо сочетались с фантастической магией стихий, что у меня слегка кружилась голова от нереальности происходящего.

– Самый крупный спутник, Лотир, покровительствует в основном целителям. Их стихия – вода. Иногда, если дар слабый, – или наоборот, слишком сильный – они подаются в земледелие: дожди никогда не помешают.

– Это точно, – согласно кивнула я, вспомнив пепельную бурю.

– Еще меньше воздушников, последователей Акитера. Это малый спутник, он виден только ночью.

Я на всякий случай еще раз заглянула в окуляр. Две луны никуда не исчезли, только немного расползлись в разные стороны по небосклону.

– Огонь? – полувопросительно подсказала я.

– Солнце, – кивнул Ладинье. – Их исчезающе мало. Немногим больше, чем мастеров теней. Очень редкий дар правящей династии. Чаще всего те, кто им владеют, дальние родственники ее величества.

– А откуда тогда тени? – недоуменно переспросила

я. – Спутники-то закончились. Дальние планеты?

Ладинье покачал головой, отодвигая меня чуть в сторону. Заглянул в окуляр сам, подвигал туда-сюда, что-то подкрутил.

– Смотрите.

Сначала я думала, он демонстрирует мне какую-то из звезд, но по мере того, как я вглядывалась в точечный светящийся узор, начинала различать, что в одном месте он нарушается.

– Темный спутник Реис. Всегда или находится на противоположной от солнца стороне, или скрывается в тени других спутников. Его и вычислили-то только потому, что иногда случаются совершенно необъяснимые затмения. Невооруженным глазом его не видно, – криво усмехнулся Ладинье. – Раньше детей с даром тьмы сжигали, полагая их порождениями бездны.

– А давно открыли этот Реис? – я как замороженная не могла оторваться от созерцания чёрного круга на фоне звездного неба. Эдакое темное пятно на ткани мироздания.

– Семьдесят лет назад, – отчеканил мастер теней. Я прониклась. То есть еще его дедушке грозил костёр. Сурово. Теперь хотя бы понятно, почему он такой нелюдимый. Наверняка суеверия до сих пор не изжиты, пусть по закону он и полноценный гражданин. Даже у нас все еще спорят, что лучше – коммунисты, царь или нынешнее... назовём его капитализмом. А тут – мир без интернета и телевизора.

– Понятно, – протянула я, на самом деле понимая куда больше, чем Ладинье собирался мне рассказать.

– Имейте в виду, участь моей содержанки не так уж и завидна, – его голос внезапно смягчился, будто он мне сочувствовал. Не может это быть. Верно?.. – Помимо угрозы похищения, вас вполне могут оскорбить только за то, что вы связались со мной. Пусть мой род достаточно древен и уважаем, мастеров теней в нем раньше не рождалось. В связи с этим про меня и мою матушку ходят разные слухи.

– Ясно, – снова кивнула я. – Не переживайте, я найду, чем заткнуть злопыхателей. На худой конец сгодится и портьера.

– Я не совсем это имел в виду... – несколько растерянно хмыкнул Ладинье.

– Может, перейдём уже на «ты»? Как-то странно выкать любовнику, – перебила его я. Мастер теней замолчал. Если бы не тишина, в которой было слышно только наше дыхание, я бы решила, что он ушел.

– Согласен. Давай на «ты», – наконец тихо и как-то интимно произнёс он, так что у меня от затылка вниз побежали мурашки. Я дернула плечом и поднялась с табуретки, неожиданно остро осознав, что мы здесь совершенно одни, в темноте и непосредственной близости. Кажется, я даже задела то ли рукав, то ли полу камзола Ладинье, потому что он сделал пару шагов в сторону и поспешно запалил свечу.

По дороге обратно, в основное здание, мы не произнесли больше ни слова. Почему молчал он, не знаю, мне лично не

хотелось рушить хрупкую, едва наметившуюся между нами звенящую нить общности.

Глава 9

В течение дня я по-прежнему больше всего времени проводила с экономкой. Неилла, кажется, решила меня опекать, проникнувшись незавидным положением «бедной девочки». О том, что я из другого мира, слуги поклялись молчать. Не знаю, какие клятвы мастер теней стряс с ученых, но слухов о необычном побочном эффекте эксперимента не бродило. Уж Неилла бы знала. Она исправно снабжала меня сведениями о местной знати, их быте и привычках, чтобы я в первый же выход в свет не попала впросак.

О похитителях и всем, связанном с пропавшими людьми, Ладинье распространялся весьма скупое. По большому счету, кроме того, что они всегда отслеживали приезжающих в столицу молодых мужчин и женщин, причем определенного типажа, он и сам ничего особо не знал. Исполнителей несколько раз ловили, только до допроса те не доживали. Потому-то мастер теней и подозревал, что уши этой странной активности торчат откуда-то сверху, из обеспеченных, а то и аристократических кругов. Заставить человека без колебания покончить с собой сложно. Тут нужна либо высшая ментальная магия, доступная не всем целителям, – что, само собой, сужало круг подозреваемых – либо немалые деньги, которые выплачивали семье смертников, либо запугивание до коллик: так, чтобы попасться властям наемники боялись больше, чем

умереть.

Слежка за специалистами по воздействию на психику велась, их всех Ладинье сам допросил не по одному разу, но никаких подозрительных пятен на ауре не нашёл. Тем не менее наблюдать продолжал, просто на всякий случай.

Список тех, которые способны запугать или подкупить, получался несколько более расширенным. И подступиться к ним с допросами было куда сложнее, потому что многие из этого списка состояли в прямом родстве с правящей династией или же находились под покровительством кого-то из наследной линии. Так что тут мастеру теней оставалось только выжидать, поглядывать на всех в свой артефакт и надеяться, что преступник себя выдаст.

И тут так кстати подвернулась я.

Выбора у меня, кроме как сотрудничать со следствием, особого не было, знакомых, к которым я могла бы обратиться за помощью, не водилось тоже. Зато в наличии оказались мозги и изворотливость. Сначала мое предложение его немало шокировало – Ладинье так и выразился как-то за завтраком:

– Ты меня несколько шокировала, – заявил он, машинально помешивая кофе, хотя пил его всегда без сахара. Теперь мастер теней куда чаще столовался и ночевал в особняке, отчасти потому, что рассказывал мне детали о высших кругах знати, которые не знала даже всеведущая экономка. Все-таки я стану своего рода агентом, а в этом деле информация

прежде всего. – А потом, сидя в засаде под твоими окнами, я подумал, а почему бы нет? Идеальное прикрытие!

– Угу, – буркнула я без особого энтузиазма.

Я-то предлагала ему вовсе не фиктивные отношения. До сих пор не могла определиться, что испытываю по поводу нашего фарса. Должна, по идее, облегчение: никто не требует от меня интимных услуг, живу на всем готовом, скоро поеду дом выбирать. Под присмотром мастера, разумеется. Но где-то глубоко в душе все же шевелился червячок разочарования, что Ладинье не клюнул на мои сомнительные прелести.

Такие мы, женщины, противоречивые. Все нам подавай сразу, даже взаимоисключающееся.

Дворецкий по отношению ко мне несколько смягчился, видя, что я благотворно влияю на хозяина и он уже не так часто остаётся ночевать в своей конторе. Парсон теперь обращался ко мне со снисхождением, как к убогой, но все же приносящей пользу родственнице. Ну хоть фыркать и губы поджимать брезгливо перестал – уже хорошо.

Обучение письму и чтению шло довольно быстро. Мне одновременно и помогало, и мешало то, что я почему-то заговорила на местном языке. Приходилось в мыслях осознанно переводить и проговаривать побуквенно, иначе при записи получалась тарабарщина.

Помогало совместное с Ладинье чтение газет за завтраком. Именно тогда мы чаще всего пересекались, потому что домой он, как правило, приходил поздно, быстро съедал дав-

но остывший ужин и шёл спать. А вот утром у него находилось несколько минут не только спокойно посидеть за столом, но и провести со мной ликбез по очередной теме и поделиться свежими сплетнями.

Разумеется, не одна Неилла следила за происходящим в высшем свете. В мире, где еще не изобрели ни радио, ни телевидения, новости о том, кто с кем был замечен в пикантных обстоятельствах, кого сместили с должности фаворита ее величества и кем заменили, вызывали нездоровый интерес.

Другие развлечения вроде бы тоже существовали, и к одному из них я как раз готовилась. Ладинье собирался взять меня на следующий приём у своего знакомого. Друзей у него, по его собственному признанию, не было, но, поскольку мастера теней боялись, приятельствовать с ним старались все. Ну и, соответственно, всегда зазывали на различные мероприятия...

Украдкой вздыхая с облегчением, когда он на них не являлся.

В общем, я готовилась, впихивала в голову сведения и тренировалась в чистописании, которое не очень-то у меня выходило и на родном языке, а тут совершенно не знакомый, да еще и перьевой ручкой. Получалось, прямо скажем, отвратно. Закорючки и отдельные буквы я вырисовывала красиво, а когда дело доходило до дела – врачи со своими почеркушками отдыхали. Но главное, читала я все лучше, а это

в шпионском деле куда важнее красивого почерка.

И где-то через неделю моего плодотворного затворничества мне неожиданно пришло письмо.

Я, мягко говоря, удивилась полученному конверту, потому что писать мне было некому. Разве что ученые решили проверить, как там поживает их нечаянная жертва? Да нет, вряд ли. Парсон, поднесший на подносе письмо, которое смотрелось на полированном овале несколько сиротливо, поглядывал на меня с подозрением. Еще больше он удивился, когда я сбегала за перчатками. К сожалению, не резиновыми, но хоть какая-то защита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.